

БРЕНДОН
САНДЕРСОН

BOOKTRAN

ДУША
ИМПЕРАТОРА

Шай – искусная поддельщица. Благодаря своим магическим умениям она способна переписать историю любого предмета и превратить его в произведение искусства. Попавшись на краже во дворце, она вынуждена принять предложение придворных арбитров, чтобы избежать казни. За немислимо короткий срок ей предстоит воссоздать душу императора, пострадавшего при покушении.

Информация о переводчиках

Перевод и редакция: zhuzh, Anahitta, marmax и другие
Booktran, 2023 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона в нашей группе ВК:
www.vk.com/b.sanderson и Telegram-канале: <http://t.me/BooktranBrandonSanderson>.

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект,
добро пожаловать на www.booktran.ru.

*Посвящается Люси Туан и Шерри Вонг,
которые помогли с вдохновением*

Брендон Сандерсон
«Душа императора»

Пролог

Гаотона пробежался пальцами по плотному холсту, изучая одно из величайших творений, которые он когда-либо видел. К сожалению, это была подделка.

– Девушка опасна, – бубнили голоса за спиной. – То, чем она занимается, – кощунство.

Гаотона слегка повернул полотно к оранжево-красному свету камина и прищурился. В его возрасте зрение уже не то, что раньше.

«Какая точность», – подумал он, рассматривая мазки и касаясь толстых слоев масла. Совсем как подлинник.

Сам бы он никогда не заметил орехов: цветок слегка не там, где должен быть, луна в небе на самую малость ниже. Экспертам потребовался не один день, чтобы подробно изучить картину и обнаружить различия.

– Она одна из лучших поддельщиков среди ныне живущих. – Голоса принадлежали собратьям-арбитрам, самым могущественным чиновникам империи. – Ее слава разнеслась по всей стране. Нужно казнить ее другим в назидание.

– Нет. – У Фравы, главы арбитров, был резкий гнусавый голос. – Она ценный инструмент. Эта девушка может нас спасти. Нужно ее использовать.

«Зачем? – снова подумал Гаотона. – Зачем столь талантливому, столь великолепному мастеру заниматься подделками? Почему не создавать собственные полотна? Почему не стать истинным художником? Я должен понять».

– Да, эта девушка – воровка, – продолжила Фрава. – И занимается отвратительным искусством. Но я могу ею управлять, и ее таланты помогут нам справиться с неприятностями, в которые мы угодили.

Остальные неодобрительно заворчали. Девушка, которую они обсуждали, Ван Шай-Лу, была вовсе не простой мошенницей. Она умела изменять природу самой реальности. Отсюда следовал другой вопрос: зачем ей учиться рисовать? Разве обычная живопись не кажется заурядной в сравнении с ее загадочными талантами?

Сплошные вопросы. Гаотона обвел остальных взглядом со своего места у камина. Арбитры заговорщически сгрудились вокруг стола Фравы. Их длинные красочные одеяния переливались в свете пламени.

– Я согласен с Фравой, – сказал Гаотона.

Все посмотрели на него. Судя по хмурым взглядам, их мало интересовали его слова, но позы говорили об обратном. Авторитет Гаотона почти сошел на нет, но о нем все еще помнили.

– Приведите поддельщицу. – Гаотона поднялся. – Хочу послушать, что она скажет. Подозреваю, что управлять ею окажется гораздо сложнее, чем утверждает Фрава, но у нас нет выбора. Либо мы воспользуемся навыками этой девушки, либо утратим контроль над империей.

Ворчание стихло. Сколько лет минуло с тех пор, как Фрава и Гаотона последний раз сходились во мнениях, тем более по такому неоднозначному вопросу, как привлечь в их дела поддельщика?

Один за другим трое остальных арбитров кивнули.

– Да будет так, – тихо заключила Фрава.

День второй

Шай вдавила ноготь в один из каменных блоков темницы. Камень слегка поддался. Она растерла пыль меж пальцев. Известняк. Необычный материал для темницы, но стена не сложена из него целиком, через блок тянется лишь эта жилка.

Шай улыбнулась. Известняк. Эту маленькую жилку легко не заметить, но, если она права, ей наконец удалось определить все сорок четыре разновидности камня в стене круглой ямы-темницы. Шай опустила на колени у койки и вилкой, на которой отогнула все зубцы, кроме одного, принялась царапать заметки на деревянной ножке. Без очков приходилось щуриться.

Чтобы подделать предмет, нужно узнать его прошлое, его природу. Шай была почти готова. Впрочем, ее настроение мгновенно испортилось, когда дрожащее пламя свечи выхватило из мрака другие царапины. Эти отмечали дни в заключении.

«Время поджимает», – подумала она.

Если ее подсчеты верны, до публичной казни оставался всего один день.

Ее нервы были натянуты как струны. Один день. Оставался один день, чтобы создать духопечать и сбежать. Но у нее нет духокамня, только деревяшка, а единственный инструмент для резьбы – вилка.

Невероятно сложная задача. Но на то и расчет. Эта темница предназначалась для таких, как она: стены сложены из камней с множеством разнообразных прожилок, чтобы затруднить их подделку. Каменные блоки доставили из разных карьеров, и у каждого своя уникальная история. Шай почти ничего о них не знала, поэтому подделать их едва ли возможно. И даже если получится преобразовать камень, дальше, скорее всего, поджидают другие препятствия.

«Ночи!» Ну она и вяпалась.

Покончив с заметками, Шай поймала себя на том, что смотрит на гнутую вилку. Она отломала металлическую часть и принялась за резьбу на деревянной ручке, словно это была заготовка для духопечати.

«Шай, так не выбраться, – сказала она себе. – Нужно придумать что-то еще».

Шесть дней она искала выход: пыталась переманить на свою сторону стражников, кого-нибудь подкупить, что-нибудь разузнать о природе темницы. Пока ничего не...

Наверху открылась дверь в подземелье.

Шай вскочила на ноги, сунув ручку от вилки за пояс на спине. Неужели казнь перенесли?

По ступеням подземелья загрохотали сапоги. Шай прищурилась, разглядывая появившихся над ямой людей. Мужчина с вытянутыми чертами лица и длинными пальцами в сопровождении четверых стражников. Великий, представитель правящей в империи расы. Его сине-зеленое одеяние выдавало чиновника невысокого ранга, который выдержал экзамены на государственную службу, но не слишком высоко поднялся по карьерной лестнице.

Шай напряженно ждала.

Великий наклонился взглянуть на нее через решетку. Немного помедлив, жестом велел стражникам отпереть.

– Арбитры желают допросить тебя, поддельщица.

Шай отступила, пока они открывали потолок темницы и спускали лестницу. Потом настороженно взобралась к выходу. Приди ей в голову мысль казнить пленника пораньше, она бы заставила его думать, будто происходит нечто другое, чтобы тот не сопротивлялся. Однако, выведя из подземелья, в цепи ее не заковали.

Судя по всему, ее и правда вели в кабинет арбитров. Шай постаралась взять себя в руки. Стало быть, новый вызов. Смела ли она надеяться на благоприятную возможность? Ее не должны были поймать, но теперь уж ничего не поделаешь. Шут императора обвел ее вокруг пальца и предал, как раз когда она решила, что ему можно доверять. Он забрал поддельный Лунный скипетр, подменил им настоящий и был таков.

Дядюшка Вон учил, что всегда найдется тот, кто обведет тебя вокруг пальца. Неважно, насколько ты хорош, найдется кто-нибудь лучше. Пока помнишь об этом, уверенность никогда не перерастет в небрежность.

В прошлый раз она проиграла. А на этот раз одержит верх. Шай подавила досаду из-за того, что попалась, и настроилась воспользоваться новым шансом, в чем бы тот ни заключался. Она ухватится за него и добьется своего.

На этот раз на кону не сокровища, а ее собственная жизнь.

Стражники оказались из числа бойцов – так их нарекли великие. Раньше они называли себя мулла'дил, но их народ так давно влился в империю, что прежнее название почти забылось. Бойцы были высокими, сухопарыми, с бледной кожей и почти такими же темными волосами, как у Шай, но не прямыми и длинными, а курчавыми. Она старалась, и довольно успешно, не чувствовать себя коротышкой рядом с ними. Ее народ, май-пон, ростом никогда не отличался.

– Ты, – повернулась она к старшему бойцу, – я тебя помню.

Судя по прическе, молодой капитан нечасто надевал шлем. Великие ценили бойцов, и в их возвышении не было ничего удивительного. Этот всем своим видом выражал рвение: начищенная броня, бодрость в каждом движении. Он явно воображал себе самое блестящее будущее.

– И коня, – продолжила Шай. – Ты перекинул меня через спину своего коня, когда меня поймали. Статный белоснежный жеребец гурской породы. Красавец. Ты разбираешься в лошадях.

Продолжая смотреть прямо вперед, боец пробормотал себе под нос:

– С каким же удовольствием я прикончу тебя, девка.

«Мило», – подумала Шай.

Они добрались до императорского крыла. Каменная кладка здесь была изумительной, в античном ламиосском стиле. Высокие мраморные колонны украшали барельефы. Огромные вазы между колоннами подражали древней ламиосской керамике.

«В принципе, – напомнила себе Шай, – у власти по-прежнему фракция “Наследие”, так что...»

К этой фракции принадлежал император, а также совет из пяти арбитров, который во многом и управлял империей. Фракция превозносила величие и изучение культур прошлого до такой степени, что даже переделала свое крыло дворца на манер античных строений. Шай полагала, что на донышках этих «античных» ваз найдутся духопечати, с помощью которых они и превратились в точные копии прославленных произведений искусства.

Да, великие называли таланты Шай кощунством, но с формальной точки зрения незаконным считалось лишь подделывание личности. Втихомолку подделывать предметы дозволялось и даже приветствовалось, покуда мастер находился под строгим контролем. Если перевернуть любую из этих ваз и избавиться от печати на донышке, она превратится в обычный горшок без орнамента.

Бойцы сопроводили Шай до инкрустированной золотом двери. Пока дверь открывалась, на нижней внутренней кромке Шай заметила красную духопечать, превратившую дверь в имитацию под старину. Стражники провели Шай в уютную комнату с потрескивающим камином, пушистыми коврами и мебелью из мореной древесины. «Охотничий домик пятого века», – предположила она.

Внутри ожидали все пятеро арбитров фракции «Наследие». Трое – мужчина и две женщины – сидели у камина в креслах с высокими спинками. Еще одна женщина занимала стол прямо возле двери – Фрава, старший арбитр фракции «Наследие», возможно, самая влиятельная фигура в империи после императора Ашравана. Ее седеющие волосы были заплетены в длинную косу с ало-золотыми лентами, одежда тоже сверкала золотом. Шай давно помышляла обворовать эту женщину, поскольку, помимо прочих обязанностей, Фрава заведовала императорской галереей и занимала смежные с ней кабинеты.

Фрава явно спорила с Гаотоней. Пожилой великий стоял рядом со столом, приосанившись и задумчиво сцепив руки за спиной. Гаотона был самым старым из правящих арбитров. Считалось, что он наименее влиятельный и пребывает в немилости у императора.

С появлением Шай оба замолчали и уставились на нее, как на кошку, только что опрокинувшую дорогую вазу. Шай была без очков, но заставила себя не щуриться. Перед этими людьми нужно казаться сильной, насколько это возможно.

– Ван Шай-Лу. – Фрава взяла со стола листок бумаги. – Тебе приписывают довольно внушительный список преступлений.

«Ты так это говоришь, будто... Какую игру ты затеяла? Ты что-то от меня хочешь, – решила Шай. – Меня могли привести сюда только по этой причине».

Впереди замаячила возможность.

– Ты выдавала себя за женщину благородного происхождения, – продолжила Фрава, – проникла в императорскую галерею, подделала свою душу и, конечно, пыталась похитить Лунный скипетр. Неужели ты думала, что мы не распознаем простенькую подделку, когда дело касается столь важного достоинства императора?

«Однако именно так и случилось, – подумала Шай, – если, конечно, шут сбежал с настоящим скипетром».

Мысль о том, что почетное место Лунного скипетра в императорской галерее занимает ее подделка, немного согрела душу.

– А что насчет этого?

Фрава шевельнула длинными пальцами, и один из бойцов принес что-то с другого конца комнаты. На стол легла картина. Шедевр Хань Шу-Ксена «Лилия в весеннем пруду».

– Мы нашли ее в твоей комнате на постоялом дворе. – Фрава побарабанила пальцами по полотну. – Это копия картины из моего собрания, одной из самых известных в империи. Наши эксперты заключили, что твою подделку можно назвать в лучшем случае любительской.

Шай встретила с Фравой взглядом.

– Расскажи, зачем ты ее сотворила? – Фрава подалась вперед. – Ты явно собиралась подменить оригинал в моем кабинете рядом с императорской галереей. Но нацеливалась на сам Лунный скипетр. Зачем же красть еще и картину? Из жадности?

– Дядюшка Вон всегда учил, что нужно иметь запасной план, – ответила Шай. – Я не знала точно, будет ли выставлен скипетр.

– Вот оно что... – Фрава изобразила чуть ли не материнскую заботу, но в глазах читались плохо скрываемые брезгливость и снисходительность. – Как и большинство заключенных, ты подала прошение, чтобы твоим делом занимался арбитр. Из прихоти я решила откликнуться на твою просьбу. Мне было любопытно, зачем ты подделала эту картину. – Она покачала головой. – Но, дитя, ты же не думаешь, что мы и впрямь тебя отпустим? С такими-то прегрешениями? Положение у тебя весьма скверное, и наше милосердие не может простираться настолько...

Шай мельком глянула на остальных арбитров. Тем, что сидели у камина, словно не было до нее никакого дела, но друг с другом они не разговаривали – слушали.

«Что-то не так, – подумала Шай. – Что-то их беспокоит».

Гаотона по-прежнему стоял чуть в стороне и изучал Шай. Глаза его не выдавали никаких эмоций.

Фрава вела себя так, будто отчитывала несмышленного ребенка. Повисший в воздухе конец фразы был призван зародить в Шай надежду. От нее всячески добивались сговорчивости, готовности согласиться на что угодно, лишь бы ее отпустили.

«И правда возможность...»

Пришло время взять нить беседы в свои руки.

– Вам что-то от меня нужно, – сказала Шай. – Я готова обсудить вознаграждение.

– Вознаграждение? – переспросила Фрава. – Девчонка, завтра тебя должны казнить! Если нам что от тебя и нужно, наградой будет твоя жизнь.

– Моя жизнь принадлежит мне, – возразила Шай. – Причем уже не один день.

– Я тебя умоляю. Тебя заперли в темнице для поддельщиков, с тридцатью разновидностями камня в стене.

– Если точнее, их сорок четыре.

Гаотона одобрительно приподнял бровь.

«Ночи! Хоть в этом не ошиблась...»

Шай посмотрела на Гаотону.

– Думали, я не распознаю точильный камень? Я же поддельщица. И выучила классификацию камней еще на первом году обучения. Тот блок явно из лайосской каменоломни.

С легкой улыбкой Фрава открыла рот, чтобы что-то сказать.

– И да, я знаю, что за стеной спрятаны пластины из ралькалеста, а этот металл подделать невозможно, – наугад заявила Шай. – Стена была головоломкой, чтобы отвлечь меня. Никто не стал бы строить темницу из известняка: вдруг заключенный плюнет на подделывание и попытается его проковырять. Стену вы возвели, но укрепили ее ралькалестом, чтобы преградить путь к побегу.

Фрава захлопнула рот.

– Недостаток ралькалеста в том, – продолжила Шай, – что это не слишком прочный металл. Решетка на потолке вполне крепкая, через нее я бы выбраться не смогла. Но тонкая пластина? Seriously? Вы слышали об антраците?

Фрава нахмурилась.

– Это камень, который горит, – ответил Гаотона.

– Вы снабдили меня свечой. – Шай сунула руку за спину и швырнула на стол самодельную деревянную духовечку. – Мне оставалось лишь подделать стену и убедить камни в том, что они антрацит. Не так уж трудно, если известны все сорок четыре разновидности. Я бы их подожгла, и они расплавили бы пластину за стеной.

Шай подвинула кресло и уселась за стол. Откинулась на спинку. За спиной тихонько зарычал капитан бойцов, но Фрава лишь поджала губы и промолчала. Шай позволила мышцам расслабиться и вознесла беззвучную молитву Неведомому Богу.

Ночи! Похоже, они и правда купились. Шай опасалась, что их знаний о подделывании хватит, чтобы распознать ложь.

– Я собиралась сбежать сегодня ночью. Но чего бы вы от меня ни хотели, дело должно быть важным, раз уж вы решили привлечь к нему такую злодейку, как я. Итак, обсудим вознаграждение.

– Я все еще могу казнить тебя, – сказала Фрава. – Прямо здесь и сейчас.

– Но вы ведь этого не сделаете?

Фрава стиснула зубы.

– Я предупреждал, что ею будет трудно управлять, – напомнил Гаотона.

Шай видела, что произвела на него впечатление, но вместе с тем в его глазах словно... застыла печаль? Или нечто другое? Распознать, что у этого старика на уме, не легче, чем прочитать книгу на свордском.

Фрава воздела палец и дернула им в сторону. Появился слуга с маленькой, завернутой в ткань шкатулкой. При виде шкатулки сердце Шай забило чаще.

Слуга щелкнул задвижками и откинул крышку. В мягкой обивке виднелось пять углублений для духопечатей. Цилиндрические каменные печати были размером с большой палец крупного мужчины. Сверху лежала записная книжка в кожаном переплете, потрепанная от длительного использования. Шай вдохнула знакомый запах.

Такие духопечати, самые сильные из всех, назывались знаками сущности. Их подстраивали под конкретного человека и использовали, чтобы ненадолго переписать его прошлое, личность и душу. Эти пять печатей были подстроены под Шай.

– Пять печатей для переписывания души, – произнесла Фрава. – Кошунство, они вне закона. Их должны были уничтожить сегодня днем. Даже если бы ты сбежала, ты бы их потеряла. Сколько времени уходит сотворить одну такую?

– Годы... – прошептала Шай.

Других копий не существовало. Хранить записи и схемы слишком опасно, даже втайне, поскольку в них слишком много знаний о душе человека. Шай никогда не выпускала знаки сущности из виду, за исключением того редкого случая, когда их забрали.

– Примешь их в качестве вознаграждения? – Фрава скривила губы, словно перед ней поставили тарелку с тухлятиной.

– Да.

Фрава кивнула, и слуга захлопнул шкатулку.

– Тогда давай покажу, что ты должна сделать.

Шай никогда не встречала императора, не говоря уж о том, чтобы тыкать пальцем ему в лицо.

Ашраван, император Восемидесяти Солнц, сорок девятый правитель Империи Роз, никак на это не отреагировал. Он безучастно смотрел перед собой. Несмотря на здоровый румянец на пухлых щеках, лицо у него было совершенно безжизненным.

– Что случилось? – спросила Шай, выпрямляясь.

Кровать императора была выполнена в античном ламиосском стиле, с изголовьем в виде возносящегося к небесам феникса. Шай встречала эскиз такого изголовья в какой-то книге. Скорее всего, с него и срисовали эту подделку.

– Наемные убийцы, – пояснил арбитр Гаотона.

Он стоял по другую сторону кровати, рядом с двумя целителями. Из бойцов разрешили войти только капитану Зу.

– Вломились две ночи назад, напали на императора и его супругу. Ее убили. Император получил арбалетный болт в голову.

– В таком случае выглядит он весьма неплохо, – заметила Шай.

– Ты знакома с перепечатыванием? – спросил Гаотона.

– Смутно.

Ее народ называл это подделыванием плоти. Искусный целитель может подделать тело, чтобы избавиться от ран и шрамов, но для этого требуется огромное мастерство. Для надлежащего исцеления поддельщик должен знать каждое сухожилие, каждую вену и мышцу.

Перепечатывание – один из немногих разделов подделывания, в которые Шай не углублялась во время учебы. Ошибешься с обычной подделкой – результат не будет иметь художественной ценности. Ошибешься с подделкой плоти – погибнут люди.

– Наши перепечатники лучшие в мире. – Фрава обогнула изножье кровати, сцепив руки за спиной. – Императором занялись сразу после покушения. Рану на голове исцелили, но...

– Но не рассудок? – Шай снова помахала рукой перед лицом императора. – Не слишком-то хорошо они справились.

Один из целителей прочистил горло. Это был маленький человечек, но уши у него торчали, словно ставни, широко распахнутые в погожий денек.

– Перепечатывание заживляет и обновляет тело. Но это все равно что заново переплести пострадавшую в огне книгу. Да, по виду ее не отличить от прежней, и внутри она целехонькая, но вот слова... слов в ней уже не будет. У императора новый мозг. Но он пуст.

– Ага. Вы выяснили, кто подослал убийц?

Арбитры обменялись взглядами. Да, они знали.

– Мы не уверены, – сказал Гаотона.

– То есть вы знаете, но для обвинения у вас недостаточно доказательств. Значит, какая-то другая фракция при дворе?

Гаотона вздохнул.

– Фракция «Слава».

Шай тихонько присвистнула, но в этом и правда был смысл. Если император умрет, у фракции «Слава» есть все шансы посадить на трон своего преемника. По меркам великих в свои сорок император Ашраван все еще считался молодым и мог править еще лет пятьдесят.

Если император сменится, нынешние арбитры потеряют свои должности, что означает существенный удар по их положению в обществе. Самые могущественные люди мира превратятся в слабейшую из восьмидесяти фракций.

– Никто из наемных убийц не выжил, – сказала Фрава. – Фракция «Слава» пока не знает, увенчалась ли их затея успехом. От тебя требуется заменить душу императора... – она глубоко вздохнула, – ...с помощью подделывания.

«Они с ума посходили, – подумала Шай. – Подделать даже собственную душу – задача не из легких, причем ее не надо создавать с нуля».

Арбитры не понимали, о чем просят. Хотя откуда им? Они ненавидели подделывание или, по крайней мере, так заявляли. Они ходили по воссозданной напольной плитке мимо копий античных ваз, позволяли своим целителям заживлять тело, но ничего из этого не называлось на их языке «подделыванием».

Кошунством они считали подделывание души. А значит, кроме Шай, надеяться им не на кого. Никто в их обществе на такое не способен. Может, и у нее не получится.

– Ты сможешь это сделать? – спросил Гаотона.

«Понятия не имею», – подумала Шай.

– Да, – сказала она вслух.

– Подделка должна быть точной, – строго предупредила Фрава. – Если у фракции «Слава» появится хоть малейшее подозрение, они набросятся всем скопом. Император должен вести себя естественно.

– Я же сказала, что могу это сделать, – отозвалась Шай. – Но это трудно. Мне нужны сведения об Ашраване и его жизни. Все, что можно достать. Для начала официальные хроники, но от них толку мало. Придется хорошенько расспросить тех, кто хорошо его знал: слуг, друзей, членов семьи, и все записать. Он вел дневник?

– Вел, – ответил Гаотона.

– Прекрасно.

– Эти документы опечатаны, – возразил другой арбитр. – Он велел их уничтожить...

Все посмотрели на говорящего. Тот сглотнул и потупил взгляд.

– У тебя будет все, что попросишь, – пообещала Фрава.

– Еще понадобится человек для проверок, – добавила Шай. – Я буду проверять на нем мои подделки. Мужчина, великий, приближенный к императору и хорошо его знавший. Так я пойму, правильно ли выстраиваю личность.

Ночи! До выстраивания личности еще надо дожить. Первый шаг – изготовить печать, которая схватится. Неизвестно, справится ли она хотя бы с этим.

– И разумеется, понадобится духокамень.

Фрава смерила Шай взглядом, скрестив руки на груди.

– Вы же не думаете, что я обойдусь без духокамня? – сухо произнесла Шай. – Если придется, я вырежу печать из дерева, но вашей цели и так нелегко добиться. Духокамень. Много духокамня.

– Ладно, – сдалась Фрава. – Но все три месяца с тебя не спустят глаз.

– Три месяца? Это займет не меньше двух лет.

– У тебя сто дней, – отрезала Фрава. – Если точнее, уже девяносто восемь.

«Невозможно».

– Отсутствие императора на людях последние два дня официально объясняли тем, что он оплакивает смерть жены, – сказала одна из арбитров. – Фракция «Слава» заключит, что мы пытаемся выиграть время после кончины императора. Когда истекнут сто дней уединения, они потребуют, чтобы Ашраван предстал перед двором. Если этого не случится, нам конец.

«И тебе тоже», – подразумевалось в ее тоне.

– Я хочу золото, – сказала Шай. – Представьте, сколько я запрошу, и удвойте сумму. Я покину эту страну богатой.

– Идет, – согласилась Фрава.

«Слишком легко согласилась», – подумала Шай.

Восхитительно. Ее собираются убить, как только она завершит работу.

Что ж, у нее девяносто восемь дней, чтобы выбраться на свободу.

– Несите записи, – сказала она. – Мне нужно место для работы, вдоволь расходных материалов, и верните мои вещи.

Она подняла палец прежде, чем послышались возражения.

– Я не прошу знаки сущности, но верните все остальное. Не ходить же мне три месяца в той же одежде, что и в темнице. И если уж на то пошло, пусть мне немедленно наполнят ванну.

День третий

На следующий день, когда Шай выкупалась, досыта поела и впервые со дня поимки отоспалась, послышался стук в дверь.

Ей выделили комнату – крошечную, едва ли не самую унылую во всем дворце, еле уловимо пахнущую плесенью. Разумеется, ночью к ней по-прежнему приставляли стражников. Насколько она помнила планировку огромного дворца, ее поселили в одном из наименее посещаемых крыльев, которое в основном использовали как хранилище.

И все же это лучше, чем темница. Самую малость.

Стук заставил Шай оторваться от изучения старого кедрового стола. Похоже, последний раз его полировали еще до ее рождения. Один из стражников открыл дверь, впустив пожилого арбитра Гаотону. Тот принес шкатулку примерно в две ладони шириной и пару дюймов высотой.

Шай бросилась навстречу, заработав свирепый взгляд от капитана Зу.

– Держись подальше от его светлости, – прорычал он.

– Или что? – спросила Шай, принимая шкатулку. – Прирежешь меня?

– В один прекрасный день я с огромной...

– Да-да.

Шай вернулась к столу и откинула крышку шкатулки. Внутри лежали восемнадцать печатей с гладкими, негравированными клише. С замиранием сердца она вытасила одну и принялась внимательно разглядывать.

Ей вернули очки, и больше не приходилось щуриться. На смену поношенному платью пришла гораздо более подходящая одежда – простая красная юбка до середины икры и блузка на пуговицах. Великие сочли бы такой наряд немодным: последнее время они отдавали предпочтение одеяниям в античном стиле. Шай это казалось отчаянно скучным. Под блузку она надела тугую хлопковую сорочку, под юбку – обтягивающие

брюки. Трудно угадать, когда ради маскировки понадобится избавиться от внешнего слоя одежды.

– Хороший камень, – оценила Шай.

Она достала один из своих резцов с наконечником толщиной с булавочную головку и опробовала его на камне. Тот оказался превосходным – откалывался легко и ровно. Духокамень почти такой же мягкий, как мел, но не крошится. По нему можно резать очень точно, а потом обжечь метку, и печать обретет твердость кварца. Единственный способ сделать печать еще лучше – вырезать ее из самого кварца, но это невероятно сложно.

Еще ей выдали ярко-красные чернила кальмара с добавлением небольшого количества воска. Годились любые свежие натуральные чернила, но животные подходили больше растительных.

– Ты что... стащила вазу из коридора? – Нахмурившись, Гаотона указал на вазу у стены.

Шай и правда прихватила ее на обратном пути из ванной. Один из стражников попытался ей воспрепятствовать, но она заговорила ему зубы. Теперь этот стражник покраснел.

– Мне было любопытно оценить уровень ваших поддельщиков.

Шай отложила инструменты, водрузила вазу на стол и перевернула набок. На глиняном доньшке виднелся красный оттиск.

Печать поддельщика трудно не заметить. От нее остается не простой оттиск на поверхности предмета, а вдавленный узор из красных бороздок. Круглый ободок тоже красный, но выпуклый.

По печати можно многое сказать о мастере-поддельщике. От этой, например, веяло безликостью. Ничего общего с настоящим искусством, что лишь больше подчеркивало филигранную проработку и утонченную красоту самой вазы. До Шай доходили слухи, что фракция «Наследие» заставляет полуобученных поддельщиков работать на поток, и они подобно вереницам рабочих, мастеров на фабрике башмаки, создают подобные предметы.

– Наши рабочие не поддельщики, – заметил Гаотона. – Мы используем другое название – вспоминатели.

– Это одно и то же.

– Они не касаются душ, – сурово возразил Гаотона. – Кроме того, так мы отдаем дань прошлому, а не дурачим народ. Подобные памятки помогают лучше понять свое наследие.

Шай вскинула бровь. Взяла молоточек и резец, ударила под углом по выпуклому ободку. Печать поддалась не сразу, будто пытаясь удержаться на месте, но удар сделал свое дело. Остатки печати вывалились, бороздки исчезли, и сама она, потеряв силу, превратилась в обычный чернильный рисунок.

Ваза сразу утратила краски и посерела, форма ее исказилась. Духопечать не просто изменяет внешний вид предмета, но переписывает его историю. Без печати ваза являла собой жалкое зрелище. Ее создателей не заботил конечный результат. Возможно, они знали, что она станет подделкой. Покачав головой, Шай вернулась к работе над

незаконченной духопечатью. Она не предназначалась императору, до этого еще далеко, но за резьбой легче думать.

Гаотона жестом приказал выйти всем стражникам, кроме Зу.

– Ты настоящая головоломка, поддельщица, – произнес он, когда стражники вышли, закрыв за собой дверь.

Гаотона опустил на шаткий деревянный стул. Два таких стула вместе с ветхой кроватью, древним столом и сундуком с вещами Шай составляли всю обстановку комнаты. Из единственного перекошенного окна сквозило, и даже в стенах было полно трещин.

– Головоломка? – Шай вытянула печать перед собой, внимательно рассматривая собственную работу. – Какая еще головоломка?

– Ты поддельщица. Значит, тебя нельзя оставлять без присмотра. Ты попытаешься сбежать, едва придумаешь, как это сделать.

– Так приставьте ко мне стражников. – Шай вернулась к резьбе.

– Вряд ли у тебя займет много времени запугать, подкупить их или добиться своего шантажом, – заметил Гаотона.

Зу словно окаменел.

– Без обид, капитан. Я полностью полагаюсь на ваших людей, но перед нами искусная лгунья, мошенница и воровка. Рано или поздно ваши лучшие стражники превратятся в податливую глину в ее руках.

– Спасибо, – произнесла Шай.

– Это не комплимент. Такие, как ты, губят все, к чему прикасаются. Тебя нельзя оставить даже на день под присмотром простых смертных. А судя по тому, что я о тебе знаю, ты способна околдовать едва ли не самих богов.

Шай продолжала работать.

– И кандалам тебя не доверишь, – негромко продолжил Гаотона, – ведь приходится снабжать тебя духокамнем, чтобы ты могла работать над... нашей проблемой. Ты просто превратишь цепи в мыло и сбежишь, потешаясь над нами.

Эти слова свидетельствовали о том, что Гаотона ничего не смыслит в подделывании. Подделка должна быть правдоподобной, иначе не схватится. Кому придет в голову делать цепи из мыла? Сущяя нелепица.

Однако Шай под силу выяснить происхождение и состав цепей, а затем переписать одно либо другое. Она могла бы подделать прошлое цепей так, чтобы одно из звеньев выковали с изъяном, и воспользоваться этим. Скорее всего, получится сбежать, даже если она не узнает точной истории цепей: несовершенная печать долго не продержится, но чтобы разбить испорченное звено молотком, хватит и пары мгновений.

Они могут изготовить цепь из ралькалеста, непригодного для подделывания металла, но это только отсрочит побег. Если есть достаточно времени и духокамня, решение найдется. Можно подделать стену так, чтобы появилась трещина, и просто вырвать цепь. Можно подделать потолок так, чтобы расшатался один из блоков: он упадет и разобьет хрупкие звенья из ралькалеста.

Однако Шай не хотелось прибегать к крайним мерам без необходимости.

– Не стоит беспокоиться на мой счет, – сказала она, не прекращая работы. – Ваша затея меня увлекла. К тому же, мне обещали богатство. Этого вполне достаточно, чтобы удержать меня. И не забывайте, из прежней темницы я могла сбежать в любой момент.

– Ах, да, – отозвался Гаотона. – Темница, из которой ты хотела выбраться, подделав стену. Утоли мое любопытство, ты изучала антрацит? Камень, в который ты собиралась превратить стену? Насколько помню, его не так-то легко поджечь.

«Этот умнее, чем многие думают».

Поджечь антрацит свечой довольно проблематично. В теории этот камень возгорается при определенной температуре, но как следует нагреть целый каменный блок очень трудно.

– Мне ничто не мешало создать подходящие условия: можно было разломать койку на дрова, а часть камней превратить в уголь.

– Без печи? – В голосе Гаотона сквозила легкая насмешка. – Без мехов? Но дело даже не в этом. Скажи, как ты собиралась выжить в темнице с пылающими стенами при температуре свыше двух тысяч градусов? После того как огонь вытянул бы весь пригодный для дыхания воздух? Ах, да! Ты бы превратила простыни во что-нибудь, плохо проводящее тепло, например, в стекло, и спряталась бы в этакой раковине?

Шай сосредоточилась на резьбе, но ей стало не по себе. Он сказал это так, будто... Да, он знал, что у нее ничего не вышло бы. Большинство великих мало смыслят в подделывании, в том числе и этот, но его знаний хватило понять, что таким способом она бы не сбежала. Как и не обратила бы простыни в стекло.

Не говоря уж о том, что трудно переделать целую стену. Слишком многое пришлось бы изменить: переписать прошлое камней так, чтобы карьеры оказались вблизи месторождений антрацита и чтобы в каждом случае по ошибке привезли горючий камень вместо обычного. Это задача чрезвычайной сложности, практически невыполнимая, особенно без подробностей об этих карьерах.

Правдоподобие – ключ к созданию любой подделки, как магической, так и обычной. Ходили слухи, что поддельщики обращают свинец в золото, но никому не приходило в голову, что обратный процесс гораздо проще. Легко придумать правдоподобную историю для золотого слитка, который подменили свинцом. Обратное столь невероятно, что печать для такой трансформации долго не продержится.

– Я под впечатлением, ваша светлость, – наконец произнесла Шай. – Вы рассуждаете как поддельщик.

Гаотона помрачнел.

– Это комплимент.

– Я ценю правду, девушка. Но не подделывание. – Гаотона посмотрел на нее, как разочарованный дедушка на внучку. – Я видел одну из твоих работ. Копия той картины... потрясающая. И все же она создана ради обмана. Ты могла бы творить великие произведения искусства, если бы сосредоточилась на трудолюбии и красоте, а не богатстве и лжи.

– То, что я делаю, – великое искусство.

– Нет. Ты копируешь великое искусство других. То, что делаешь ты, в техническом отношении великолепно, но полностью бездуховно.

Шай чуть не выпустила заготовку, пальцы напряглись. Как он посмел? Одно дело – угрожать казнью, но оскорблять ее искусство? Он поставил ее в один ряд с... с теми ремесленниками, что штампуют вазу за вазой!

Она с трудом успокоилась и нацепила на лицо улыбку. Тетушка Сол однажды наказала ей отвечать улыбкой на худшие оскорбления и грубостью – на незначительные. Тогда никто не догадается, что у тебя на сердце.

– Так как вы собираетесь держать меня в узде? Мы выяснили, что я подлая мерзавка и мне не пристало слоняться по коридорам дворца. Вы не можете ни связать меня, ни доверить мою охрану собственным стражникам.

– Ну, – начал Гаотона, – по возможности я буду лично следить за твоей работой.

Шай предпочла бы Фраву, ею вроде легче манипулировать, но и так сойдет.

– Как пожелаете. Но человеку, который ничего не смыслит в подделывании, будет скучно.

– Я сюда не развлекаться пришел. – Гаотона махнул на капитана Зу. – Пока я здесь, меня будет охранять капитан Зу. Он единственный из наших бойцов осведомлен, насколько серьезно ранен император, и только ему известно о наших планах на твой счет. Остальную часть дня за тобой будут присматривать другие стражники, и тебе запрещено говорить с ними о своей работе. Мы не допустим никаких слухов.

– Не волнуйтесь, я буду молчать, – пообещала Шай, на этот раз честно. – Чем больше людей знает о подделке, тем скорее она не удался.

«К тому же, – подумала она, – стоит мне рассказать стражникам, вы их не задумываясь казните, чтобы сохранить тайну».

Бойцов она не любила, но еще больше не любила империю, а стражники – по сути те же рабы. Бессмысленные убийства были Шай не по душе.

– Вот и отлично, – произнес Гаотона. – А за дверью ожидает вторая гарантия того, что ты отнесешься к своему заданию с должным вниманием. Капитан, будьте добры.

Зу открыл дверь. Рядом со стражниками стоял человек в плаще. Он прошел в комнату упругой, но какой-то неестественной походкой. Как только Зу закрыл дверь, незнакомец скинул капюшон, явив лицо с молочно-белой кожей и красными глазами.

Шай тихонько зашипела сквозь зубы.

– И вы мое ремесло зовете кощунством?

Не ответив, Гаотона поднялся со стула и поприветствовал вошедшего:

– Расскажи ей.

Мужчина изучающе приложил к двери длинные белые пальцы.

– Я нанесу руну вот сюда, – произнес он с акцентом. – Если она попытается покинуть комнату или переделать руну или дверь, я об этом узнаю. И за ней отправятся мои питомцы.

Шай бросило в дрожь. Она свирепо глянула на Гаотону:

– Кровопечатник. Вы пригласили во дворец кровопечатника?

– Не так давно он доказал свою полезность, – ответил Гаотона. – Он преданный и благоразумный. А еще очень полезный. Порой приходится прибегать к помощи тьмы, чтобы сдержать еще большую тьму.

Шай тихо зашипела, когда кровопечатник достал что-то из складок одежды – грубую косяную духопечать. Значит, его «питомцы» тоже косяные – подделки человеческой жизни, сработанные из скелетов усопших.

Кровопечатник перевел взгляд на нее.

Шай отпрянула.

– Вы же не думаете, что...

Зу схватил ее за руки. Ночи, какой он сильный! Шай запаниковала. Ее знаки сущности! Ей нужны ее знаки сущности! С ними она может бороться, бежать, скрываться...

Зу порезал ей тыльную сторону руки. Шай едва почувствовала неглубокую рану, но не оставляла попыток вырваться. Подошел кровопечатник, обмакнул свой ужасный инструмент в кровь Шай и приложил печать к центру двери.

Когда он убрал руку, на двери остался светящийся красный отпечаток в форме глаза. В тот миг, когда кровопечатник прижал печать, Шай ощутила резкую боль в месте пореза.

Она ахнула, распахнув глаза. Еще никто не осмеливался проделать с ней такое. Лучше бы ее казнили! Лучше бы ее...

«Возьми себя в руки, – приказала она себе. – Стань той, кто сможет это вынести».

Шай глубоко вздохнула и стала другим человеком. Той версией себя, что сохраняет спокойствие даже в подобной ситуации. Это была грубая подделка, просто мысленная уловка, но она сработала.

Вырвавшись из хватки Зу, Шай приняла протянутый Гаотоной платок и бросила гневный взгляд на кровопечатника. Тот улыбнулся ей белыми, полупрозрачными как кожа личинки губами. Потом кивнул Гаотоне, натянул капюшон и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Боль в руке стихала. Шай заставила себя дышать ровнее, чтобы успокоиться. В ремесле кровопечатников нет места изяществу, они делают ставку на другое. Вместо мастерства и искусности – обман и кровь. Зато эффективно. Этот кровопечатник узнает, если Шай выйдет из комнаты. У него осталась ее свежая кровь на печати, и печать подстроена под нее, а значит, его неуспокоенные питомцы выследят ее, куда бы она ни сбежала.

Гаотона опустил обратно на стул.

– Понимаешь, что случится, если сбежишь?

Шай ответила злобным взглядом.

– Теперь ты видишь, в каком мы отчаянии, – тихо сказал Гаотона, сложив пальцы в замок. – Если и правда сбежишь, отдадим тебя кровопечатнику. Твои кости станут его очередным питомцем. Это все, что он потребовал за свои услуги. Приступай к работе, поддельщица. Сделай все хорошо, и избежишь незавидной участи.

День пятый

Шай приступила к работе.

Она углубилась в записи о жизни императора. Мало кто понимает, какое место в подделывании занимают поиски и исследования. Это искусство может освоить любой; нужны лишь твердая рука и внимание к деталям.

А еще готовность тратить недели, месяцы, даже годы на создание идеальной духопечати.

Годами Шай не располагала. Она второпях читала одно жизнеописание за другим и часто засиживалась до глубокой ночи, делая пометки. Не верилось, что удастся справиться с возложенной на нее задачей. Создать правдоподобную подделку чужой души, особенно за столь короткое время, просто-напросто невозможно. К сожалению, придется изображать кипучую деятельность, пока она готовит побег.

Из комнаты ее не выпускали. Справлять естественную нужду приходилось в горшок, а для мытья приносили бадью с теплой водой и полотенца. За ней все время присматривали, даже когда она принимала ванну.

Каждое утро приходил кровопечатник, чтобы обновить метку на двери. Каждый раз от Шай требовалось немного крови. Вскоре ее руки покрылись мелкими порезами.

Все это время ее навещал Гаотона. Пожилой арбитр наблюдал, как она читает, и его глаза светились осуждением... но не ненавистью.

Обдумывая план, Шай кое-что поняла: чтобы выбраться на свободу, ей, скорее всего, придется манипулировать этим человеком.

День двенадцатый

Шай прижала печать к столешнице.

Как всегда, печать слегка вдавилась в древесину. Независимо от материала оттиск получался рельефным. Шай повернула печать на пол-оборота, и чернила не размазались, хотя она не знала почему. Один из наставников объяснял, что к этому моменту печать соприкасается не просто с физической формой предмета, а с его душой.

Когда Шай отняла печать, на древесине остался ярко-красный, словно вырезанный оттиск. От него волной разошлась трансформация. Тускло-серая растрескавшаяся столешница из кедра стала красивой и ухоженной, с теплого цвета патиной, в которой отражалось пламя свечей.

Шай прикоснулась к новому столу, теперь гладкому на ощупь. Края столешницы и ножки были покрыты искусной резьбой, инкрустированной серебром.

Гаотона оторвался от чтения книги и выпрямился. Зу при виде подделывания беспокойно переступил с ноги на ногу.

– Это еще что? – спросил Гаотона.

– Мне надоело вытаскивать занозы, – ответила Шай, усевшись на стул. Тот скрипнул.

«Ты следующий», – мысленно пообещала она стулу.

Гаотона встал и подошел к столу. Потрогал его, будто ожидая, что трансформация окажется иллюзией. Но нет. Правда, теперь изящный стол совсем не вписывался в унылую обстановку комнаты.

– Так вот чем ты занималась?

– Мне так лучше думается.

– Сосредоточься на своем задании! – воскликнул Гаотона. – А не занимайся пустяками, когда империя в опасности!

«Нет, – подумала Шай. – Не сама империя, а ваша власть над ней».

К сожалению, одиннадцать дней спустя она так и не нашла подхода к Гаотоне. Ничего, что можно обернуть себе на пользу.

– Гаотона, я работаю над вашей проблемой, – сказала Шай. – И она далеко не из легких.

– А изменить стол, значит, легко?

– Конечно. Нужно лишь переписать его прошлое так, будто за ним ухаживали, а не обрекли на обветшание. Особых усилий тут прикладывать не надо.

Помедлив, Гаотона опустил перед столом на колени.

– Эта резьба, эта инкрустация... изначально ничего такого не было.

– Может, я кое-что добавила.

Шай сомневалась, схватится ли подделка. Через пару минут печать могла развеяться, а стол – вернуться в прежнее состояние. Однако она считала, что довольно точно угадала прошлое стола. В хрониках ей попадались упоминания о дарах и местах, откуда их привозили. Этот стол, скорее всего, из далекого Свордена, и его преподнесли предшественнику Ашравана. Когда отношения со Сворденом обострились, император приказал убрать стол с глаз долой.

– Не узнаю его. – Гаотона продолжал рассматривать стол.

– А должны?

– Я подробно изучал античное искусство. Это период династии Виваре?

– Нет.

– Копия работы Чамрава?

– Нет.

– Тогда что?

– Ничего, – раздраженно бросила Шай. – Это не копия, а просто улучшенная версия того же стола.

В этом и заключается принцип хорошего подделывания: немного усовершенствуй оригинал, и фальшивку, скорее всего, примут благосклонно, потому что она лучше.

Гаотона с озадаченным видом поднялся на ноги.

«Опять размышляет, что я понапрасну растрачиваю свой талант», – с досадой подумала Шай, отложив пачку записей о жизни императора. Их собрали по ее просьбе у придворной челяди. Она не хотела ограничиваться официальными хрониками. Требовались достоверные сведения, а не подчищенные факты.

Гаотона вернулся на свой стул.

– Не понимаю, как можно изменить стол почти без усилий, хотя, наверное, это намного проще, чем то, о чем мы тебя попросили. И то, и другое представляется мне невысказанным.

– Человеческую душу изменить гораздо сложнее.

– В общих чертах я это понимаю, но не знаю деталей. В чем разница?

Шай бросила на него взгляд. «Хочет побольше узнать о том, чем я занимаюсь, – подумала она, – чтобы понять, каким образом я готовлюсь к побегу». Разумеется, он прекрасно понимал, что она попытается сбежать. Оба делали вид, что ни о чем не догадываются.

– Хорошо. – Она встала и подошла к стене. – Поговорим о подделывании. Стены темницы были сложены из сорока четырех разновидностей камня, и все ради того, чтобы меня отвлечь. Чтобы побег удался, мне пришлось бы разгадать состав и происхождение каждого блока. Зачем?

– Разумеется, чтобы подделать стену.

– Но зачем распознавать все? Почему не изменить только один или несколько блоков? Почему просто не проделать дыру, создать туннель?

– Я... – Гаотона нахмурился. – Понятия не имею.

Шай коснулась ладонью стены. В некоторых местах краска облупилась, и прощупывались отдельные камни.

– Все существует в трех реальностях: физической, когнитивной и духовной. Физическая реальность – то, что мы ощущаем, то, что перед нами. Когнитивная – то, как мы воспринимаем объект и как он воспринимает сам себя. А в духовной заключена его душа – его суть, а также все связи между ним и окружающими предметами и людьми.

– Ты должна понимать, – заметил Гаотона, – что я не разделяю твоих языческих суеверий.

– Да, вместо этого вы поклоняетесь солнцу. – Шай не сдержала насмешки в голосе. – Вернее, восьмидесяти солнцам. Вы считаете, что, хоть все они выглядят одинаково, каждый день восходит новое. Ну, вы ведь хотели узнать, как устроено подделывание и почему так трудно воссоздать душу императора. Без трех реальностей не разобраться.

– Ладно.

– Итак, чем дольше объект существует как единое целое и чем дольше он таковым воспринимается, тем сильнее его полная идентичность. Этот стол собран из нескольких деревянных деталей, но разве так мы его воспринимаем? Нет, в наших глазах он предстает единым целым. Чтобы подделать стол, мне нужно постичь его как единое целое. То же самое со стеной. Она просуществовала немало времени, а потому воспринимает себя единой сущностью. Наверное, я могла бы разрушить каждый блок по

отдельности – возможно, они все еще довольно обособлены, – но это очень трудно, так как стена хочет выступать единым целым.

– Стена, – ровно проговорил Гаотона, – хочет, чтобы к ней относились как к единому целому.

– Именно.

– Ты подразумеваешь, что у стены есть душа.

– У всех есть душа, – подтвердила Шай. – Каждый предмет воспринимает себя определенным образом. Связь и намерение жизненно важны. Вот почему, господин арбитр, я не могу просто расписать личность вашего императора и поставить на нем печать. В семи докладах сказано, что его любимый цвет – зеленый. Знаете почему?

– Нет, – ответил Гаотона. – А ты?

– Пока не уверена, но думаю, что зеленый цвет нравился брату Ашравана, умершему, когда тому было шесть. Император прикипел к зеленому, цвет напоминает ему о покойном брате. А может, дело в патриотизме, ведь он родился в Укурги, и на флаге этой провинции преобладает зеленый.

Гаотона, похоже, растерялся.

– Тебе нужно знать все вплоть до таких мелочей?

– Ночи, да! И еще тысячи подобных деталей. Я могу в чем-то ошибиться. Это неизбежно. Остается надеяться, что большинство ошибок окажутся несущественными и лишь самую малость повлияют на личность. Все равно любой человек день ото дня меняется. Но если я ошибусь во многом, не важно, что за личность получится, – печать просто не схватится. Или не продержится достаточно долго, чтобы был толк. Полагаю, если вашему императору придется обновлять печать каждые четверть часа, поддерживать подобный фарс невозможно.

– Правильно полагаешь.

Шай со вздохом уселась и принялась просматривать заметки.

– Ты сказала, что справишься.

– Да.

– Ты уже проделывала это раньше, с собственной душой.

– Свою душу я знаю. Знаю свое прошлое. Знаю, что можно изменить, чтобы добиться нужного эффекта. Но мне пришлось повозиться даже с собственными знаками сущности. А теперь приходится не просто делать это для другого человека, но сами изменения должны быть гораздо более глубокими. И у меня осталось всего девяносто дней.

Гаотона медленно кивнул.

– А теперь, – произнесла Шай, – расскажите, как вы поддерживаете впечатление, будто император находится в добром здравии.

– Мы делаем все необходимое.

– Что-то я в этом сомневаюсь. Согласитесь, в обмане я разбираюсь куда лучше многих.

– Думаю, ты удивишься. Мы же, в конце концов, политики.

– Ладно. Но ему же приносят еду?

– Разумеется. Блюда отсылают в императорские покои трижды в день. На кухню возвращаются полупустые тарелки, а императора тайно кормят бульоном. Он его пьет, с посторонней помощью, но смотрит в никуда, словно глухонемой.

– А ночной горшок?

– Он себя не контролирует, – поморщился Гаотона. – Мы держим его в пеленках.

– Ночи! И никто для виду не выносит горшок? Вам не кажется, что это подозрительно? Служанки начнут сплетничать, да и стражники у дверей. Такие вещи надо учитывать!

У Гаотона хватило приличия покраснеть.

– Я прослежу, чтобы горшок выносили, хотя мне не по душе, что в покои императора будет заходить кто-то еще. Чем больше людей, тем вероятнее, что правда выплывет наружу.

– Значит, подберите того, кому доверяете, – посоветовала Шай. – И вообще, введите правило: к императору пускать только тех, у кого есть карточка с оттиском вашей личной печати. Вижу, вы открыли рот, чтобы возразить, но мне прекрасно известно, как охраняются императорские покои. Я все это изучила, чтобы проникнуть в галерею. В охране полно дыр, что и подтвердили наемные убийцы. Сделайте, как я предлагаю. Чем больше уровней охраны, тем лучше. Если случившееся с императором просочится наружу, мне точно придется вернуться в темницу и ждать казни.

Гаотона вздохнул, но кивнул.

– Какие еще будут предложения?

День семнадцатый

Прохладный ветерок принес сквозь щели в перекошенной оконной раме ароматы незнакомых специй. Снаружи доносился оживленный гул. В городе праздновали Дельбахад – праздник, о котором еще два года назад никто не слышал. Фракция «Наследие» не уставала возрождать из пучины забвения античные торжества, пытаясь перетянуть общественное мнение обратно на свою сторону.

Никакого толку от этого не будет. Империя – не республика, и право голоса при возведении на трон нового императора есть только у арбитров различных фракций. Шай переключила внимание обратно на дневник императора: «В конце концов я решил согласиться с требованиями своей фракции. Я предложу свою кандидатуру на пост императора, к чему так часто подталкивал меня Гаотона. Болезнь все больше подрывает силы императора Язада, и скоро мы встанем перед новым выбором».

Шай добавила записку. Гаотона поощрял Ашравана добиваться трона. Однако позже Ашраван отзывался о Гаотоне с презрением. Что изменилось? Шай дописала записку и перелистнула дневник на несколько лет вперед.

Личный дневник императора Ашравана завораживал. Император делал записи собственноручно и оставил указания уничтожить дневник после своей смерти. Арбитры вручили его Шай с неохотой и многословными обоснованиями. Император не умер. Его тело еще живо. Следовательно, можно с чистой совестью не предавать записи огню.

Они говорили с убежденностью, но Шай видела в их глазах сомнения. Арбитров было легко прочитать – всех, кроме Гаотоны. Его сокровенные помыслы все так же от нее ускользали. Арбитры не понимали, для чего велся этот дневник. Зачем писать, недоумевали они, если не для потомков? Зачем доверять мысли бумаге, если не для того, чтобы их прочитали другие?

«Все равно что спрашивать поддельщика, почему тот испытывает удовлетворение, когда его работу выставляют на всеобщее обозрение и ни один человек не догадывается, что восхищение вызывает именно его фальшивка, а не оригинальный предмет искусства», – подумала Шай.

Дневник поведал об императоре намного больше, чем официальные хроники, и не только из-за содержания. Страницы были потрепанными и запятнанными от частого листания. Ашраван писал дневник, чтобы читать самому.

Какие воспоминания он так усиленно выискивал, снова, и снова, и снова перечитывая дневник? Предавался ли он тщеславию, переживая восторг прошлых побед? Или наоборот, сомневался в себе? Или часами искал нужные заметки, чтобы оправдать ошибки? Или была другая причина?

Дверь в комнату открылась. К ней больше не стучали. Да и с какой стати? Ее уже лишили даже намека на личное пространство. Шай по-прежнему пленница, просто более важная, чем прежде.

В сопровождении капитана Зу вошла Фрава, мрачная и элегантная, в одеянии приглушенного фиолетового цвета. Вплетенные в ее седую косу ленты на этот раз были фиолетово-золотыми. Мысленно вздохнув, Шай поправила очки. После того как Гаотона ушел на праздник, она рассчитывала, что никто не нарушит ее уединение и ночь пройдет в исследованиях и разработке плана.

– Мне сообщили, что ты не слишком торопишься, – сказала Фрава.

Шай отложила дневник.

– На самом деле это еще быстро. Я почти готова к изготовлению печатей. Сегодня я напомнила арбитру Гаотоне, что мне по-прежнему нужен человек для проверок, который знал императора. Благодаря связи между ними я смогу опробовать печати. Продержатся они недолго, но мне хватит времени, чтобы кое-что проверить.

– Мы найдем такого человека. – Фрава прошла вдоль стола, ведя по нему пальцем. Наткнулась на красный оттиск, потрогала его. – Как бельмо на глазу. Столько усилий, чтобы сделать стол красивее, так почему не поставить печать с обратной стороны?

– Я горжусь своей работой, – ответила Шай. – Любой поддельщик, который это увидит, может изучить печать и оценить мое мастерство.

Фрава фыркнула.

– Нечем тут гордиться, воровка. К тому же, разве весь смысл не в том, чтобы скрыть факт подделки?

– Когда как. Если копируешь подпись или картину, приходится идти на уловки. Но если занимаешься подделыванием, истинным подделыванием, нельзя это скрывать. Печать останется навсегда, а с ней – подробное описание проделанной работы. И этим можно гордиться.

Странный парадокс ее жизни. Поддельщики не просто учились изготавливать духопечати, но овладевали искусством подражания во всей его полноте. Письмо, живопись, личные перстни-печатки... Ученики, которых в ее народе наставляли тайком, сначала осваивали обычное подделывание и только потом переходили к духопечатям.

Печати считались вершиной искусства, но прятать их труднее всего. Конечно, печать можно поставить не на виду, а потом прикрыть. Бывало, именно так Шай и поступала. Однако подделку нельзя считать идеальной, пока печать можно обнаружить.

– Оставьте нас, – приказала Фрава капитану Зу и остальным стражникам.

– Но... – Зу шагнул вперед.

– Я не люблю повторять, капитан, – отрезала Фрава.

Зу заворчал, но поклонился в знак повиновения и, одарив Шай угрожающим взглядом – в последние дни это стало едва ли не его второй работой, – удалился со своими людьми.

Дверь со щелчком закрылась. Ее все так же пятнала обновленная с утра печать кровопечатника. кровопечатник приходил почти всегда в одно и то же время – Шай тщательно записывала. В те дни, когда он немного задерживался, перед самым его приходом печать начинала тускнеть. Он всегда успевал ее обновить, но, может быть, однажды...

Фрава оценивающе оглядела Шай.

Та ответила ей твердым взглядом.

– Зу думает, что, пока мы наедине, я сделаю с вами что-нибудь ужасное.

– Зу умом не блещет, – отмахнулась Фрава, – хоть и весьма полезен, когда нужно кого-то убить. Будем надеяться, тебе не доведется испытать на себе его умения.

– Вам совсем не страшно? – спросила Шай. – Вы ведь наедине с чудовищем.

– Не с чудовищем, а с авантюристкой. – Фрава подошла к двери и осмотрела печать. – Ты не причинишь мне вреда. Тебе слишком любопытно, почему я отослала стражников.

«На самом деле, – подумала Шай, – я прекрасно знаю, зачем ты их отослала. И зачем пришла сюда, пока твои собратья-арбитры совершенно точно заняты на празднествах». Шай ждала, что Фрава предложит сделку.

– Ты никогда не задумывалась, – начала Фрава, – как полезно было бы для империи, если бы император прислушивался к голосу мудрости?

– Наверняка император Ашраван так и делал.

– Иногда, – согласилась Фрава. – Но иногда он вел себя... откровенно глупо. Разве не было бы чудесно, если бы после перерождения император лишился этой склонности?

– Я думала, вы хотите, чтобы он поступал в точности как прежде. Как можно ближе к себе настоящему.

– Да, верно. Однако ты прославилась как одна из величайших поддельщиков в истории, и мне достоверно известно, что ты особенно преуспела с печатями для

собственной души. Безусловно, тебе по силам в точности воссоздать душу нашего дорогого Ашравана, чтобы при этом он прислушивался к голосу разума... когда тот исходит от определенных лиц.

«О ночи в огне, – пронеслось в голове Шай. – Хочешь, чтобы я оставила лазейку в душу императора, и вот так просто об этом заявляешь? Как только стыда хватает?»

– Вероятно... я могу это сделать, – протянула Шай, как если бы подобная возможность впервые пришла ей в голову. – Это сложно. И мои усилия потребуют достойного вознаграждения.

– Тебя надлежащим образом вознаградят. – Фрава повернулась к Шай. – Скорее всего, ты собираешься покинуть столицу после освобождения, но зачем? С благосклонным правителем на троне перед тобой и в этом городе откроются большие перспективы.

– Говорите прямо, арбитр. Пока другие празднуют, меня ждет долгая ночь исследований. Я не в настроении играть словами.

– В городе процветает подпольная торговля контрабандой. Приглядывать за ней – мое увлечение. Мне бы не помешал подходящий человек, который возглавит дело. Я поручу это тебе, если ты выполнишь мое пожелание.

Все они совершали одну и ту же ошибку, считая, что знают, почему Шай занимается своим делом. Они считали, что она обязательно уцепится за подобную возможность, считали, что контрабандист и поддельщик – примерно одно и то же, раз уж оба нарушают чужие законы.

– Интересное предложение. – Шай пустила в ход свою самую искреннюю, откровенно обманчивую улыбку.

Фрава широко улыбнулась в ответ.

– Так подумай над ним. – Она толкнула дверь и хлопнула в ладоши, подзывая стражников.

Шай опустила на стул. Ее охватил ужас, но не из-за предложения Фравы. Чего-то подобного она ожидала уже давно. До нее наконец дошли все возможные последствия. Разумеется, предложение о торговле контрабандой – ложь. Может, Фраве и по силам проверить такое, но делать она этого не станет. Даже если раньше она не собиралась убивать Шай, теперь это неизбежно.

Конечно, это не все. Далеко не все. «Она думает, что просто внушила мне мысль о манипулировании императором. Но на мою подделку нельзя полагаться. Она ждет, что я сделаю лазейку для себя и полный контроль над Ашраваном будет у меня, а не у нее».

Что же это означает?

Это означает, что в запасе у Фравы есть другой поддельщик. Скорее всего, у него не хватает ни таланта, ни смелости, чтобы подделать чужую душу, но он способен изучить работу Шай и найти любые ее лазейки. Этому поддельщику доверяют больше, и он переписет сделанное Шай так, чтобы передать контроль Фраве.

Возможно, у них даже получится закончить работу Шай, если та продвинется достаточно далеко. Она собиралась использовать все сто дней, чтобы спланировать побег, но теперь осознала, что ее могут устранить в любой момент.

И чем ближе она к завершению работы, тем больше опасность.

День тридцатый

– Что-то новенькое, – произнес Гаотона, осматривая витраж.

Это была особенно вдохновенная работа Шай. Попытки создать лучшую версию окна проваливались одна за другой: каждый раз, минут через пять, окно возвращалось к прежнему виду, с трещинами на стекле и щелями в раме.

Но потом Шай обнаружила кусочек цветного стекла, застрявший в раме, и поняла, что это окно было витражным, как и многие во дворце. Стекло разбилось, рама покорежилась, из-за чего и появились щели, из которых тянуло холодным сквозняком.

Вместо того чтобы починить окно как следует, в раму вставили обычное стекло. Со временем оно покрылось трещинами. Печать Шай, оттиснутая в нижнем правом углу, восстановила окно, переписав его прошлое так, будто заботливый мастер обнаружил разбитое стекло и воссоздал витраж. Эта печать схватилась сразу. Даже спустя столько времени окно воспринимало себя как нечто прекрасное.

А может, Шай просто в который раз замечталась.

– Вы сказали, что сегодня приведете человека для проверки, – напомнила Шай.

Сдув пыль со свежей духопечати, она сделала несколько быстрых насечек с обратной стороны от клише с замысловатой резьбой. Работа над каждой духопечатью заканчивается особой меткой, указывающей на то, что резьба завершена. Шай всегда любила придавать этой метке очертания своей родины, Май-Пон.

Закончив с меткой, Шай поднесла печать к пламени. При обжигании духокамень затвердевает, и резать по нему больше нельзя. Этот шаг необязательный: достаточно закрепляющих меток сверху, а саму печать можно вырезать из чего угодно, лишь бы резьба получилась четкой. Тем не менее духокамень ценится за способность твердеть.

После того как печать закоптилась в пламени свечи, сначала с одной стороны, потом с другой, Шай сильно на нее подула. Хлопья сажи слетели, явив красивый красно-серый камень с мраморным узором.

– Верно, – сказал Гаотона. – Человек для проверки. Я его привел, как и обещал.

Он пересек маленькую комнату и подошел к двери, у которой стоял на страже Зу.

Шай в ожидании откинулась на спинку стула, который пару дней назад подделала в гораздо более удобный. Она побилась об заклад сама с собой по поводу того, кем окажется этот человек. Стражник императора? Или какой-нибудь придворный невысокого ранга, например, писец Ашравана? Кто же тот несчастный, которого арбитры заставят вытерпеть кощунство Шай ради якобы всеобщего блага?

Гаотона опустил на стул у двери.

– Ну? – окликнула Шай.

Он развел руками:

– Приступай.

Шай села прямо, коснувшись ногами пола.

– Вы?

– Я.

– Вы же арбитр! Один из самых влиятельных людей в империи!

– О, а я и не заметил. Я подхожу под твои условия: мужчина, родился там же, где и Ашраван, и очень хорошо его знал.

– Но... – замялась Шай.

Гаотона подался вперед, сложив руки на коленях.

– Мы обсуждали это несколько недель. Рассматривали разные варианты. Но в конце концов решили, что не имеем морального права подвергать кощунству подданных. Единственный выход – пойти одному из нас.

Шай стяхнула удивление. «Фрава без проблем отправила бы кого-нибудь другого, – подумала она. – Как и любой из вас. Вы, Гаотона, сами на этом настояли».

Они считали Гаотону соперником и, наверное, с радостью отдали его на милость Шай и ее ужасных извращенных манипуляций. Ее проверки совершенно безвредны, но разве убедишь в этом великого? И все же, подвинув стул ближе к Гаотоне, Шай поймала себя на мысли, что ей хочется его успокоить. Она открыла шкатулку с печатями, вырезанными за последние три недели.

– Эти печати не схватятся, – сказала она, доставая первую. – Среди подельщиков это значит, что изменение слишком неестественное, чтобы закрепиться. Вряд ли хоть раз эффект продержится больше минуты, и то при условии, что я все сделала правильно.

Гаотона, помедлив, кивнул.

– Человеческая душа отличается от души предмета, – продолжила Шай. – Человек постоянно растет, развивается, меняется. Поэтому духопечать на человеке изнашивается, чего не случается с предметами. В лучшем случае она продержится один день. Возьмем, к примеру, мои знаки сущности: они развеиваются примерно через двадцать шесть часов.

– А... как же император?

– Если я справлюсь, печать нужно будет ставить каждое утро, как это делает кровопечатник с моей дверью. Но я добавлю способность запоминать, развиваться и учиться, то есть император не будет начинать день с чистого листа, а сможет опираться на основу, которую я для него заложу. Однако точно так же, как человеческое тело устает и нуждается во сне, духопечать требует обновления. К счастью, если она правильно сработана, это под силу любому, даже самому Ашравану.

Шай вручила Гаотоне печать и позволила ее рассмотреть.

– Каждая из тех печатей, что мы сегодня проверим, изменит определенную мелочь в вашем прошлом или во врожденных чертах характера. Поскольку вы не Ашраван, изменения не схватятся. Но вы с ним достаточно схожи, и некоторое время печати продержатся, если я все сделала правильно.

– Хочешь сказать, это... образчик души императора? – спросил Гаотона, изучая печать.

– Нет. Лишь подделка малой ее части. Я даже не уверена, сработает ли итоговый вариант. Насколько известно, в точности такого никто раньше не делал. Есть сведения о мастерах, которые подделывали чужие души ради... гнусных целей. Я опираюсь на это

знание. Если печати продержатся на вас хотя бы минуту, на императоре они будут держаться намного дольше, так как подстроены под его прошлое.

– Малая часть его души. – Гаотона вернул печать. – Значит, эти проверки... эти печати не для итогового варианта?

– Нет, но удачные узоры я встрою в основную модель. Представьте, что печати – отдельные буквы на большом свитке. В конце я сложу их воедино и расскажу историю. Историю о характере и прошлом человека. К сожалению, даже если подделка схватится, появятся мелкие отличия. Советую начать распространять слухи о ранении императора. Ничего серьезного, но намекните на сильный удар по голове. Это объяснит несоответствия.

– Уже ходят слухи о его смерти. Их распространяет фракция «Слава».

– Дайте понять, что он просто ранен.

– Но...

Шай подняла печать.

– Даже если я совершу невозможное, что, заметьте, удавалось мне только в редких случаях, у подделки императора будет недоставать воспоминаний. Останутся только те, о которых я прочитала или догадалась. Все частные беседы, а их было много, подделка не воссоздаст. Можно наделить его умением притворяться, в таких вещах я хорошо разбираюсь, но на одном притворстве далеко не уедешь. В конце концов кто-нибудь обнаружит провалы в памяти императора. Распространите слухи, Гаотона. Без этого не обойтись.

Он кивнул и, закатав рукав, подставил руку. Шай занесла печать, и Гаотона со вздохом зажмурился и кивнул еще раз.

Шай прижала печать. Как всегда, когда печать соприкасалась с кожей, казалось, что она вжимается в нечто твердое, будто рука арбитра обернулась камнем. Печать слегка вдавилась. Странное ощущение, когда работаешь с живым человеком. Шай провернула печать и отняла, оставив на руке Гаотона красный оттиск. Потом вытащила карманные часы и принялась наблюдать за стрелкой.

Оттиск испускал слабые струйки красного дыма. Это случалось, только когда печать ставили на живое существо. Душа сопротивлялась перезаписи. Впрочем, оттиск не исчез сразу, и Шай облегченно вздохнула. Хороший знак.

Интересно, если попробовать такое на императоре, воспротивится его душа вторжению? Или наоборот, примет печать, желая исправить все, что пошло не так, как то окно, желавшее вернуть былую красоту? Шай не знала.

Гаотона открыл глаза.

– Сработало?..

– Пока держится.

– Я не чувствую никакой разницы.

– В этом и смысл. Если император ощутит влияние печати, то поймет: что-то не так. А теперь отвечайте не задумываясь первое, что придет в голову. Какой у вас любимый цвет?

– Зеленый.

– Почему?

– Потому что... – Гаотона умолк, склонив голову набок. – Потому что вот так.

– А что ваш брат?

– Я его почти не помню, – пожал плечами Гаотона. – Он умер, когда я был совсем маленьким.

– Хорошо, что он умер, – обронила Шай. – Император из него получился бы никудышный, если бы его выбрали в...

Гаотона вскочил со стула.

– Не смей злословить о нем! Да я тебя... – Он застыл, бросив взгляд на Зу, когда тот встревоженно потянулся за мечом. – Я... Брат?..

Печать истаяла.

– Минута и пять секунд, – сказала Шай. – Неплохо.

Гаотона поднес руку ко лбу.

– Я помню брата. Но... у меня нет братьев, и никогда не было. Я помню, как боготворил его, помню, как было больно, когда он умер. Столько боли...

– Это пройдет, – успокоила Шай. – Все ощущения улетучатся, как отголоски дурного сна. Через час вы с трудом вспомните, что вас расстроило. – Она сделала пару пометок. – Думаю, вы отреагировали чересчур резко, когда я оскорбила память вашего брата. Ашраван его боготворил, но держал свои чувства глубоко внутри, и чувствовал вину, поскольку считал, что из брата мог выйти лучший император.

– Что? Ты уверена?

– В этом? Да. Печать придется немного подправить, но в целом она удалась.

Гаотона сел обратно. Его старческие глаза словно пытались пронзить Шай насквозь, докопаться до самых глубин.

– Ты очень хорошо разбираешься в людях.

– Это одна из первых ступеней обучения. До того, как нам позволяют хотя бы прикоснуться к духокамню.

– Какой потенциал... – прошептал Гаотона.

Шай подавила вспышку раздражения. Как он смеет смотреть на нее, будто она впустую растрчивает жизнь? Она любит подделывание. Это так захватывающе – жить, добиваясь успеха собственным умом. В этом ее призвание. Ведь так?

Шай подумала об одном особенном знаке сущности, запертом вместе с остальными. Она ни разу его не использовала, хотя он был самым ценным из пяти.

– Давайте проверим следующую.

Шай сделала вид, что не обратила внимания на взгляд Гаотоны. Не до обид. Тетушка Сол всегда говорила, что для Шай самая большая опасность в жизни – гордыня.

– Ладно, – согласился Гаотона. – Но кое-что не дает мне покоя. Из того немногого, что ты поведала о самом процессе, я так и не понял, почему печати вообще на мне работают. Разве тебе не нужно знать точное прошлое объекта, чтобы на него подействовала печать?

– Чтобы они держались – да. Как я говорила, все дело в правдоподобии.

– Но это совершенно неправдоподобно! У меня нет брата.

– Что ж, попробую объяснить. – Шай уселась поудобнее. – Я переписываю вашу душу, чтобы она совпала с душой императора. Точно так же я переписала прошлое окна,

чтобы вставить новый витраж. В обоих случаях это работает из-за эффекта узнавания. Оконная рама знает, как должен выглядеть витраж, он был там раньше. И хотя новое окно не точно такое же, что прежде, печать держится, потому что оно соответствует общей концепции витража. Вы провели с императором очень много времени. Ваши души привычны друг другу так же, как привычны друг другу оконная рама и витраж. Вот почему мне приходится проверять печати на ком-то вроде вас, а не на себе. Когда я ставлю печать, то будто... будто предлагаю вашей душе частицу чего-то знакомого. Печать схватится, только если частица очень маленькая, и продержится недолго – лишь то время, пока, как я и сказала, душа считает ее знакомой частью Ашравана.

Гаотона посмотрел на нее с недоумением.

– Наверное, вам все это кажется суеверной чепухой? – спросила Шай.

– Все это... довольно мистично. – Гаотона развел руками. – Оконной раме знакома «концепция» витража? Душе понятна концепция другой души?

– Эти процессы существуют за пределами нашего понимания. – Шай приготовила следующую печать. – Мы думаем об окнах, мы знаем об окнах; окно обретает или не обретает... смысл в духовной реальности. В своем роде оно обретает жизнь. Хотите верьте, хотите нет, это не важно. Главное, что я могу опробовать на вас эти печати, и если они продержатся хотя бы минуту, значит, я на верном пути. В идеале нужно испытывать их на самом императоре, но в таком состоянии он не способен ответить на мои вопросы. Необходимо, чтобы печати не просто схватились, но действовали все вместе, поэтому вам придется описывать свои ощущения, чтобы я могла подправить узор. Вашу руку, пожалуйста.

– Хорошо.

Гаотона подобрался. Шай прижала к его руке печать, провернула ее вполборота, но как только отняла, оттиск развеялся облачком красного дыма.

– Проклятье, – вздохнула Шай.

– Что случилось? – Гаотона провел пальцами по руке, но только размазал обычные чернила. Печать развеялась так быстро, что чернила даже не успели слиться с кожей. – Что ты на этот раз со мной сделала?

– Похоже, что ничего. – Шай выискивала изъяны на клише. Их не было. – С этой я ошиблась, причем серьезно.

– А что за печать?

– Причина, по которой Ашраван согласился стать императором, – ответила Шай. – Ночи в огне! В этой я была уверена.

Покачав головой, Шай отложила печать. Видимо, Ашраван решил стать императором не из глубинного желания утвердиться в глазах семьи и наконец выйти из тени брата.

– Я могу объяснить, почему он это сделал, поддельщица, – сказал Гаотона.

Шай окинула его взглядом. «Этот человек поощрял Ашравана взойти на императорский трон, – подумала она. – И в итоге Ашраван его за это возненавидел. Наверное».

– Ну хорошо. И почему?

– Он хотел произвести изменения в империи.

– В дневнике он об этом не упоминает.

– Ашраван был скромным человеком.

Шай подняла бровь. Это противоречило докладам, которые ей принесли.

– О, он бывал вспыльчив, – пояснил Гаотона. – В спорах он едва ли не впивался в оппонента зубами и не отпускал, пока не убеждал в своей точке зрения. Но как человек он был... в глубине души он был скромным. Ты должна понять в нем эту черту.

– Ясно.

«Ты ведь и с ним вел себя так же? – подумала Шай. – Этот разочарованный взгляд, этот подтекст, что нам нужно стараться быть лучше». Не только Шай казалось, будто Гаотона относится к ней как дед, недовольный внучкой.

Ее так и подмывало отказаться от его помощи. Но... он сам предложил свою кандидатуру для проверок. Он считал ее занятие ужасным и настоял на том, чтобы взять наказание на себя, а не посылать другого.

«Ты ведь искренен, старик», – подумала Шай.

Гаотона откинулся на спинку стула и с отрешенным взглядом размышлял об императоре. В Шай проснулось недовольство.

Многие поддельщики насмеялись над честными людьми, считая их легкой добычей. Они заблуждались. Честный человек не значит наивный. Дурака что честного, что бесчестного обмануть одинаково легко, просто нужны разные подходы.

Зато умного и честного человека обмануть всегда сложнее, чем умного и бесчестного.

А искренность... Ее очень сложно подделать по определению.

– О чем ты думаешь? – спросил Гаотона, подавшись вперед.

– Я думала о том, что вы вели себя с императором так же, как со мной, надоедая бесконечным ворчанием по поводу того, чего ему нужно добиться.

Гаотона фыркнул.

– Возможно, именно так я и поступал, но это не значит, что я не прав или был не прав. Он мог... мог бы добиться большего. И ты могла бы стать прекрасным художником.

– Я и есть прекрасный художник.

– Настоящим.

– Так и есть.

Гаотона покачал головой.

– Картина Фравы... мы ведь что-то упускаем из виду? Она приказала проверить подделку, и эксперты обнаружили несколько незначительных ошибок. Без подсказки я бы их не разглядел, но они там есть. Поразмыслив, я счел их странными. Мазки выполнены безупречно, даже мастерски. Манера письма полностью совпадает. Если ты справилась с этим, зачем допустила ошибки, например, поместив луну слишком низко? Различие почти неуловимое, но мне кажется, что ты бы никогда так не ошиблась, разве что умышленно.

Шай потянулась за следующей печатью.

– Полотно, которое считают оригиналом, – продолжал Гаотона, – то, что висит сейчас в кабинете Фравы... тоже подделка?

– Да, – со вздохом признала Шай. – Я подменила картины за пару дней до того, как полезла за скипетром. Проверяла систему охраны дворца. Я проникла в галерею, добралась до кабинета Фравы и для пробы подменила картину.

– Значит, они считают подделкой оригинал, – с улыбкой заключил Гаотона. – Ты подрисовала эти неточности, чтобы оригинал казался копией!

– Вообще-то нет. Хотя раньше я применяла эту уловку. Обе картины поддельные. Просто одна – явная подделка, которую должны были обнаружить, если что-то пойдет не так.

– Получается, оригинал до сих пор где-то спрятан... – с любопытством произнес Гаотона. – Ты проникла во дворец, чтобы изучить систему охраны, потом заменила оригинал копией. Вторую копию, чуть похуже, ты оставила в своей комнате как ложный след. Если бы тебя поймали на месте преступления или тебя выдал поделщик, мы бы обыскали твою комнату, нашли там плохую копию и решили, что ты не успела совершить подмену. Служащие приняли бы более совершенную копию за подлинник. И никто не стал бы искать оригинал.

– Примерно так.

– Очень умно. А если бы тебя поймали, когда ты полезла во дворец за скипетром, ты бы созналась, что хотела украсть только картину. При обыске твоей комнаты нашли бы подделку, тебя бы обвинили в попытке кражи у частного лица, то есть Фравы, а это далеко не столь страшное преступление, как похищение имперской реликвии. Вместо смертной казни тебя бы приговорили к десяти годам каторги.

– К несчастью, в самый неподходящий момент меня предали, – сказала Шай. – Шут подстроил так, что меня поймали, когда я выходила со скипетром из галереи.

– Но что насчет оригинала картины? Где ты его спрятала? – Гаотона помедлил. – Картина все еще во дворце?

– В некотором роде.

Гаотона посмотрел на нее, по-прежнему улыбаясь.

– Я ее сожгла.

Улыбка тут же исчезла.

– Ты лжешь.

– Не в этот раз, старик. Картина не стоила такого риска, чтобы пытаться вынести ее из галереи. Я подменила ее только для того, чтобы проверить систему охраны. Пронести подделку просто – на входе никого не проверяют, только на выходе. Моей настоящей целью был скипетр, кража картины – дело второстепенное. Подменив оригинал фальшивкой, я бросила его в камин в главной галерее.

– Ужасно! – воскликнул Гаотона. – Это была работа кисти Шу-Ксена, его величайший шедевр! Он ослеп и больше не может рисовать. Ты представляешь, сколько она стоит?.. – Он брызгал слюной. – Я не понимаю. Зачем, зачем ты так поступила?

– Не важно. Никто об этом не узнает. Все будут смотреть на подделку и радоваться. Никто не пострадал.

– Эта картина – бесценное произведение искусства! – Гаотона впился в Шай взглядом. – Ты подменила ее лишь из гордыни. Ты не собиралась продавать оригинал,

просто хотела, чтобы в галерее висела твоя копия. Ты уничтожила шедевр, чтобы возвыситься.

Шай пожала плечами. Это не вся история, но картину она и правда сожгла. У нее были на то причины.

– На сегодня хватит. – Гаотона встал и махнул рукой. Лицо у него покраснелось.
– А я начал было думать... Ба!

И вышел за дверь.

День сорок второй

Каждый человек – головоломка.

Так учил Тао, ее первый наставник. Поддельщик не просто мошенник или шарлатан. Поддельщик – художник, рисующий человеческим восприятием.

Надуть может любой чумазый оборванец с улицы. Поддельщик метит выше. Обычные мошенники сначала пудрят мозги, а потом сбегают, пока жертва не опомнилась. Поддельщик же должен создать нечто столь совершенное, столь прекрасное, столь реальное, что жертва никогда не заподозрит обман.

Человек – как дремучая чаща, заросшая лианами, бурьяном, кустами, молодняком и цветами. В любом человеке переплетается множество эмоций и желаний, и обычно они борются друг с другом подобно тому, как розовые кусты сражаются за один клочок земли.

«Уважай людей, которых обманываешь, – учил ее Тао. – Если воровать у них достаточно долго, начинаешь их понимать».

По мере работы Шай создавала книгу – подлинную историю жизни императора Ашравана. В ее книге будет больше правды, чем в тех, что писали хронисты во славу императора, и больше правды, чем даже в дневнике, написанном его собственной рукой. Шай медленно собирала кусочки головоломки, пробираясь через дебри разума Ашравана.

Как и сказал Гаотона, император был идеалистом. Шай видела это по ранним записям, исполненным сдержанного беспокойства, по его отношению к слугам. Империя не такая уж ужасная. Но и не чудесная. Просто империя. Народ терпел ее, поскольку при умеренном произволе существовать удобно. Коррупция неизбежна, но жить с ней можно. Или так, или смириться с хаосом и неизвестностью.

Великие во всем пользовались покровительством. На государственную службу, которая считалась самым прибыльным и престижным занятием, чаще всего поступали благодаря связям и взяткам, а не умениям и способностям. Вдобавок тех, кто лучше всех служил империи, – торговцев и ремесленников – регулярно обирали до нитки сотни жадных рук.

Это ни для кого не было секретом. Ашраван хотел все изменить. Поначалу.

А вот потом... Никакого конкретного «потом» не было. Поэты объяснили бы провал Ашравана одним-единственным недостатком в его характере, но у человека всегда больше одного недостатка, равно как и страстей больше одной. Если бы Шай принимала за основу подделки одно качество, получился бы не человек, а жалкое подобие.

Но... можно ли рассчитывать на что-то лучшее? Не стоит ли удовольствоваться правдоподобием в чем-то одном? Например, создать императора, который будет правильно вести себя при дворе, но не одурачит ближайшее окружение. Возможно, это сработает подобно театральным декорациям, которые служат своей цели во время спектакля, но серьезной проверки не выдерживают.

Такая задача вполне осуществима. Наверное, стоит объяснить арбитрам, что именно возможно, и сотворить им подобие императора – марионетку, которая исполняет свои официальные обязанности, а потом удаляется под предлогом недомогания.

Такое Шай может сделать.

Но она поняла, что не хочет.

В этом нет вызова. Это методы уличного воришки, живущего сегодняшним днем. Поддельщику пристало создавать нечто долговременное.

В глубине души Шай радовалась вызову. Она поняла, что хочет вернуть Ашравана к жизни. По крайней мере, хочет попытаться.

Шай прилегла на кровать, уже переделанную в более удобную, с балдахином и пуховым одеялом. Шторы она всегда задергивала. Вечерние стражники играли за ее столом в карты.

«Почему ты так стремишься вернуть Ашравана к жизни? – спросила себя Шай. – Арбитры убьют тебя прежде, чем ты увидишь результат своей работы. Тебя должно заботить только бегство».

И все же... сам император. Она решила украсть Лунный скипетр, потому что это самая знаменитая реликвия империи. Она хотела, чтобы ее работа была выставлена в великой императорской галерее.

Однако ее нынешняя задача... гораздо сложнее. Кто из поддельщиков мог похвастаться чем-то подобным? Подделка на Троне Роз?

«Хватит, – сказала она себе, на этот раз решительнее. – Не увлекайся. Гордыня, Шай. Не поддавайся гордыне».

Шай открыла свою книгу на последних страницах, где под видом глоссария зашифровала план побега.

На днях кровопечатник прибежал, словно перепугался, что не успеет обновить печать. От него разило крепкой выпивкой. Он наслаждался дворцовым гостеприимством. Если устроить так, чтобы он пришел с утра пораньше и тем же вечером напился...

Горы, где обитают бойцы, граничат с болотами Джамара, где живут кровопечатники. Их взаимная ненависть уходит корнями глубоко в прошлое и, скорее всего, превосходит верность империи. Когда появился кровопечатник, несколько бойцов испытали явное отвращение. Шай начала завоевывать их расположение: мимоходом пошутить, вскользь упомянуть о сходстве их народов. Бойцам не полагалось с ней

разговаривать, но проходили недели, а она только и делала, что рылась в книгах да беседовала со старыми арбитрами. Стражники заскучали, а скучающими людьми легко манипулировать.

В распоряжении Шай было много духокамня, и она бы им воспользовалась, но часто простейшие методы намного действеннее. От поддельщиков всегда ждут, что они по любому поводу применяют печати. Великие распространяли байки о темном колдовстве, о том, как поддельщики ставят печати на ступни спящим, изменяя личности, вторгаясь в них и насилуя разум.

На самом деле духопечать – едва ли не последняя надежда поддельщика. Слишком уж легко ее обнаружить. «Но я бы прямо сейчас отдала правую руку за свои знаки сущности...»

Она едва не поддавалась искушению вырезать новый знак для побега. Разумеется, от нее этого ожидают, и будет очень трудно выполнить сотни необходимых проверок. Если она будет испытывать его на своей руке, стражники сразу об этом доложат, а на Гаотоне он и вовсе не сработает.

Использовать же непроверенный знак сущности... это может очень плохо кончиться. Нет, она включит в план побега духопечать, но в его основу лягут более традиционные уловки.

День пятьдесят восьмой

Шай была готова к очередному визиту Фравы.

Женщина задержалась в дверях. Стражники без возражений покинули комнату, а их место занял капитан Зу.

– Ты хорошо потрудились, – заметила Фрава.

Шай оторвалась от исследования. Арбитр имела в виду не успехи с печатью Ашравана, а изменения в комнате. На днях Шай переделала пол. Это было нетрудно. Все сведения нашлись в хрониках: какой камень использовали при постройке дворца, из каких каменоломен, сроки, имена каменщиков.

– Вам нравится? – спросила Шай. – По-моему, мрамор хорошо сочетается с камином.

Фрава повернулась и удивленно моргнула.

– Камин? Откуда... Мне кажется или комната стала больше?

– Смежной кладовкой никто не пользовался, – пробормотала Шай, уткнувшись обратно в книгу. – И комнаты разделили недавно, всего пару лет назад. Я переписала прошлое так, чтобы эта комната оказалась побольше и чтобы в ней установили камин.

Фрава казалась ошарашенной.

– Это немыслимо... – Повернувшись к Шай, она нацепила на лицо обычную строгую маску. – Не похоже, что ты серьезно относишься к своей задаче, поддельщица. Ты здесь, чтобы помочь императору, а не перестраивать дворец.

– Резьба по духокамню меня успокаивает. Как и рабочее пространство, которое не напоминает чулан. Душу вашего императора вы получите в назначенный срок, Фрава.

Арбитр подошла к столу и внимательно его осмотрела.

– Так ты уже приступила к духопечати императора?

– Да, и не к одной. Это сложный процесс. Я проверила на Гаотоне уже больше сотни печатей...

– Арбитре Гаотоне.

– ...на старике. Каждая печать – лишь малая часть общей картины. Когда они заработают все по отдельности, я вырежу их в миниатюре и объединю с дюжину проверочных печатей в одну итоговую.

– Но ты же сказала, что испробовала больше сотни, – нахмурилась Фрава. – А в итоговую печать попадут только двенадцать?

Шай рассмеялась.

– Двенадцать? Чтобы подделать целую душу? Едва ли. Итоговая печать, которую придется ставить императору каждое утро, будет... ключевым элементом, краеугольным камнем в арке. Прикладывать к коже императора придется только ее, но она будет связывать в сеть сотни других печатей.

Шай потянулась за своей книгой с заметками и черновыми набросками итоговых печатей.

– Я поставлю их на металлическую пластину, а потом свяжу с той печатью, что вы будете ежедневно ставить Ашравану. Эту пластину ему придется все время держать при себе.

– Ему придется носить металлическую пластину и ежедневно ставить печать? – сухо произнесла Фрава. – Ты не думаешь, что так весьма затруднительно вести нормальную жизнь?

– Я полагаю, если ты император, вести нормальную жизнь и так весьма затруднительно. У вас все получится. Пластины обычно оформляют как украшение, например, большой медальон или квадратный наплечный браслет. Посмотрите на мои знаки сущности, они сделаны точно так же, в шкатулке для каждого есть пластина.

Шай замялась.

– Тем не менее ничего подобного мне делать не приходилось, да и никому другому. Есть шанс... и пожалуй, довольно большой... что со временем мозг императора впитает эту информацию. Если целый год день за днем вычерчивать один и тот же рисунок на стопке бумаги, то в конце рисунок проявится и на нижних листках. Возможно, через несколько лет ставить печать и вовсе не понадобится.

– Я все равно считаю это вопиющим.

– Хуже, чем быть мертвым?

Фрава положила руку на книгу Шай с заметками и неоконченными набросками. Потом забрала ее.

– Я прикажу писцам это скопировать.

Шай встала.

– Она мне нужна.

– Не сомневаюсь, – согласилась Фрава. – Именно поэтому ее нужно скопировать, на всякий случай.

– Это займет слишком много времени.

– Я верну ее через день.

Фрава направилась к выходу. Шай кинулась следом, но ей преградил путь капитан Зу, наполовину вытащив меч из ножен.

Фрава обернулась.

– Тихо, тихо, капитан. Не нужно. Поддельщица лишь защищает свою работу. Это хорошо. Значит, она старалась.

Взгляды Шай и Зу скрестились.

«Он хочет моей смерти, – подумала Шай. – И сильно».

Она уже поняла, что представляет из себя Зу. Своей кражей Шай посягнула на самое важное для него – долг, который заключался в охране дворца. Ее сдал императорский шут, а не поймал Зу. После такого провала капитан чувствовал себя неуверенно и хотел отыгаться на Шай.

Наконец она отвела глаза. Неприятно, но нужно уступить.

– Аккуратнее, – предупредила она Фраву. – Не потеряйте ни единой страницы.

– Я буду защищать книгу... как если бы от этого зависела жизнь императора. – Фраве пришлось по душе ее собственная шутка, и она удостоила Шай редкой улыбки. – Ты подумала над другим вопросом, который мы обсуждали?

– Да.

– И?

– Да.

Улыбка Фравы стала шире.

– Скоро мы к этому вернемся.

Фрава ушла с книгой, в которой были результаты двух месяцев работы. Шай точно знала, что у нее на уме. Фрава не собирается копировать записи. Она покажет их другому поддельщику, чтобы узнать, достаточно ли ему этого для завершения работы.

Если он решит, что достаточно, Шай без лишнего шума казнят, прежде чем другие арбитры успеют возразить. Вероятно, Зу убьет ее сам, прямо здесь.

День пятьдесят девятый

Ночью Шай не спалось.

Она не сомневалась, что тщательно подготовилась. И все равно приходилось ждать, будто с петлей на шее. Тревога не стихала. Что, если она неправильно истолковала ситуацию?

Она умышленно напустила туману в свои записи. Неразборчивый почерк, многочисленные перекрестные ссылки, бесконечные списки с напоминаниями для себя о том, что нужно сделать... Получилась толстая книга, и все должно указывать на то, что работа умопомрачительно сложная.

Это была подделка, причем одной из сложнейших разновидностей – из тех, что имитируют не конкретного человека или предмет, а общее впечатление.

«Держись подальше, – намекала книга. – Даже не пытайся закончить эту душу. Пусть Шай доделает самое трудное, ибо от тебя потребуются невероятные усилия. А в случае провала... заплатишь головой».

Эта книга – одна из ее самых искусных подделок. Каждое слово в ней одновременно и истина, и ложь. Только настоящий мастер способен прочитать между строк и заметить, как сильно она старалась показать всю трудность и опасность задания.

Насколько хорош поддельщик Фравы?

Доживет ли Шай до утра?

Она не спала, хотя спать хотелось и нужно было отдохнуть. Часы, минуты, секунды ожидания тянулись мучительно долго. Но мысль о том, что за ней придут во сне, была еще ужаснее.

В конце концов она встала с постели и занялась докладами о жизни Ашравана. Игравшие в карты за столом стражники воззрились на нее. Один даже сочувственно кивнул, заметив ее усталый вид и покрасневшие глаза.

– Свет слишком яркий? – спросил он, указывая на лампу.

– Нет, – ответила Шай. – Просто одна мысль не дает покоя.

Она провела ночь в постели, мысленно погрузившись в жизнь Ашравана. Досадуя, что нельзя заглянуть в свои записи, Шай взяла чистый лист и начала делать пометки. Она добавит их в книгу, когда ту вернут. Если вернут...

Похоже, она наконец поняла, почему Ашраван утратил юношеский оптимизм. По крайней мере, ясно, какие обстоятельства подтолкнули его к этому: отчасти продажность чиновников, отчасти неуверенность в себе, но все это было не главное.

Нет, провалом Ашравана стала сама его жизнь. Жизнь во дворце, жизнь на благо империи, тикающей подобно часам. Все работало. Конечно, не так хорошо, как хотелось бы. Но ведь работало.

Чтобы бросить вызов существующему порядку, нужна воля, а собрать волю в кулак не так просто. Ашраван вел праздную жизнь. Он не был ленив, но не обязательно быть ленивым, чтобы тебя перемолола имперская бюрократия, и можно сколько угодно говорить себе, что в следующем месяце потребуешь все изменить. Со временем плыть по течению великой реки под названием Империя Роз становилось все легче.

В итоге император делался все более мягким: большую часть внимания уделял красоте дворца, а не жизни подданных и позволял арбитрам брать на себя все больше государственных обязанностей.

Шай вздохнула. Даже это описание императора слишком упрощенное, в нем не учитывается, каким человеком он был и каким стал. Последовательность событий ничего не говорит о его характере, любви к спорам, чувстве прекрасного или привычке писать отвратительные стихи, а потом ждать, что придворные будут их превозносить.

Еще оно не говорит о его высокомерии и тайном желании стать кем-то другим. Вот почему он снова и снова перечитывал дневник. Видимо, выискивал ту развилку в жизни, когда ступил на неверный путь.

Он так и не понял. В жизни редко бывают явные развилки. Люди меняются медленно, со временем. Нельзя сделать один шаг и очутиться в совершенно другом месте. Сначала делаешь шаг в сторону, обходя камни, некоторое время идешь вдоль дороги. Потом еще немного отклоняешься, чтобы идти по мягкому. А потом перестаешь обращать внимание на то, что отходишь от дороги все дальше, и в итоге оказываешься в другом городе, гадая, почему дорожные указатели не привели тебя, куда нужно.

Дверь в комнату открылась.

Шай подскочила на кровати, едва не выронив записи. За ней пришли.

Но... нет, уже утро. Сквозь витражное окно пробивался свет, вставали и потягивались стражники. Дверь открыл кровопечатник, снова с похмелья и, как это часто бывало, со стопкой бумаг в руке.

«Сегодня он рано, – подумала Шай, сверившись с карманными часами. – С чего бы, он ведь вечно опаздывает?»

Не говоря ни слова, кровопечатник надрезал ей руку и обновил печать на двери. Шай обожгла боль. Кровопечатник выскочил из комнаты, будто опаздывал на важную встречу. Шай проводила его взглядом и покачала головой.

Миг спустя дверь снова открылась, и вошла Фрава.

– О, не спишь, – произнесла она.

Бойцы поприветствовали ее. Фрава с раздраженным видом хлопнула книгой Шай о стол.

– Писцы закончили. Возвращайся к работе.

Фрава поспешно удалилась. Шай с облегченным вздохом откинулась в постели. Хитрость сработала. У нее в запасе еще несколько недель.

День семидесятый

– То есть этот символ, – Гаотона указал на один из набросков будущих итоговых печатей, – обозначает время, а именно конкретный момент семь лет назад?

– Да. – Шай стерла пыль с только что вырезанной духопечати. – Вы быстро учитесь.

– Скажем так, меня ежедневно оперируют. Спокойнее, когда знаешь, какими именно скальпелями.

– Изменения не...

– Не постоянные. Да, ты все время это говоришь. – Гаотона протянул руку, чтобы она поставила печать. – Тем не менее у меня возникают сомнения. Если нанести человеку

порез, он затянется и исчезнет, но если проделывать это снова и снова в том же месте, останется шрам. Наверняка примерно так же и с душой.

– Разумеется, за исключением того, что с душой все иначе. – Шай прижала печать к его руке.

Он так до конца и не простил ей то, что она сожгла шедевр Шу-Ксена. Это было видно. Она его не просто огорчила, а разозлила.

Со временем злость истаяла, и у них снова наладились рабочие отношения.

Гаотона склонил голову.

– Я... Сейчас как-то странно.

– В каком смысле странно? – Шай отсчитывала секунды по карманным часам.

– Я помню, как сам себя уговаривал стать императором. И... и я презирал себя.

Матерь света... неужели он так ко мне относился?

Печать продержалась пятьдесят семь секунд. Неплохо.

– Да, – ответила Шай, когда печать исчезла. – Думаю, он относился к вам именно так.

Ее охватило волнение. Наконец эта печать заработала!

Она все ближе подбиралась к пониманию императора, все ближе к решению головоломки. Каждый раз незадолго до конца проекта, будь то картина, скульптура или масштабная подделка души, наступал момент, когда Шай отчетливо видела результат: он представал перед ее мысленным взором, оставалось лишь формально закончить работу.

Этот момент не за горами. Душа императора раскрылась перед ней, лишь некоторые уголки все еще скрывались в тени. Шай жаждала довести дело до конца, узнать, получится ли вернуть императора к жизни. После того как она столько о нем прочла, столько узнала, ей необходимо закончить работу.

А до тех пор можно обождать с побегом.

– Это та самая? – спросил Гаотона. – Та самая печать, которую ты столько раз переделывала? Печать о том, почему он решил стать императором?

– Да, – ответила Шай.

– Наши с ним отношения. Ты испробовала вариант, когда его решение зависело от наших с ним отношений и... и от стыда после наших разговоров.

– Да.

– И печать взялась.

– Да.

Гаотона откинулся на спинку стула.

– Матерь света... – прошептал он снова.

Шай отложила печать к признанным годными.

За последние пару недель все остальные арбитры нанесли Шай такие же визиты, что и Фрава, обещая золотые горы за полный контроль над императором. Только Гаотона ни разу не пытался ее подкупить. Честнейший человек, к тому же стоящий на самой верхней ступени власти в империи. Поразительно. Использовать его гораздо сложнее, чем она рассчитывала.

– Повторю, вы меня впечатлили. – Шай повернулась к Гаотоне. – Мало кто из великих стал бы тратить время на изучение духопечатей. Великие сторонятся всего, что считают злом, даже не пытаясь понять. Вы изменили свое мнение?

– Нет. Я по-прежнему считаю то, чем ты занимаешься, если не злом, то, безусловно, богохульством. Но кто я такой, чтобы судить? Чтобы сохранить власть, мы положились на твое искусство, которое так запросто называем кощунством. Жажда власти заглушает нашу совесть.

– Для остальных это так, но у вас другие личные мотивы.

Гаотона вскинул бровь.

– Вы просто хотите вернуть Ашравана, – пояснила Шай. – Вы отказываетесь признать, что потеряли его. Вы любили его как сына: юношу, которого наставляли, императора, в которого всегда верили, даже когда он сам в себя не верил.

Гаотона отвел взгляд, ему явно стало неудобно.

– Но это будет не Ашраван. Даже если все получится, это будет не совсем он. Вы же понимаете.

Гаотона кивнул.

– Но... иногда хорошая подделка не хуже оригинала. Вы из фракции «Наследие». Вы окружаете себя поддельными древностями и копиями давно утраченных картин. Думаю, и с поддельным императором примерно так же. А вы... вы просто хотите убедиться, что сделали все, что могли. Ради него.

– Как у тебя это получается? – тихо спросил Гаотона. – Я видел, как ты разговариваешь со стражниками. Ты выучила по именам всех слуг. И похоже, знаешь все об их семьях, пристрастиях, чем они занимаются по вечерам... При том, что целыми днями сидишь взаперти в этой комнате. Ты не покидала ее несколько месяцев. Откуда ты все это знаешь?

– Люди по своей натуре всегда пытаются распространить власть на все, что их окружает. – Шай поднялась, чтобы принести следующую печать. – Мы строим стены, чтобы защититься от ветра, крыши – чтобы укрыться от дождя. Мы приручаем стихии, подчиняем природу нашей воле. И нам кажется, будто все у нас под контролем.

Вот только мы просто заменяем одно воздействие на другое. Вместо ветра на нас влияют стены. Возведенные нами стены. Человек всюду запустил свои пальцы. Вытканые ковры, выращенная пицца. Все без исключения, что мы видим, к чему прикасаемся, что ощущаем в городе, результат воздействия человека.

Может казаться, что все у нас под контролем, но это не так, если мы не понимаем людей. Контроль над окружающим миром сводится не к защите от ветра, а к пониманию, почему служанка проплакала прошлую ночь или почему стражник все время проигрывает в карты. Или почему наниматель остановил свой выбор на вас.

Гаотона смотрел, как Шай садится обратно и подносит печать. Он нерешительно протянул руку.

– Такое ощущение, что как мы ни старались, но все равно недооценили тебя, девушка.

– Хорошо. Вы уловили суть.

Шай поставила печать.

– А теперь скажите, откуда у вас взялось отвращение к рыбе?

День семьдесят шестой

«Нужно это сделать, – думала Шай, пока кровопечатник резал ей руку. – Сегодня. Сегодня можно удрать».

В другом рукаве она прятала листок бумаги, похожий на те, что носил с собой кровопечатник, когда приходил раньше обычного.

Пару дней назад Шай заметила на одном таком следы воска. Это были письма. На нее снизошло понимание. Она с самого начала ошибалась в этом человеке.

– Добрые вести? – поинтересовалась Шай, пока кровопечатник обмазывал печать ее кровью.

Человек с белыми губами бросил на нее насмешливый взгляд.

– Из дома, – предположила Шай. – Тебе пишет женщина из Джамара. Ты сегодня получил от нее письмо? Почту во дворец доставляют по утрам. В твою дверь стучат и передают письмо...

«И будят тебя, – мысленно добавила она, – поэтому в такие дни ты приходишь вовремя».

– Должно быть, ты очень по ней скучаешь, раз не можешь расстаться с письмом.

Кровопечатник сгрел Шай за ворот блузки.

– Не смей говорить о ней, ведьма, – прошипел он. – Не смей! И никаких колдовских штучек!

Кровопечатник оказался моложе, чем она думала. С джамарцами всегда так: из-за белых кожи и волос чужакам кажется, что они не имеют возраста. Шай следовало это учесть. Он еще совсем юнец.

Шай поджала губы.

– Ты говоришь о колдовских штучках, а сам держишь печать, измазанную моей кровью? Это ты, дружок, угрожал отправить за мной в погоню скелеты. А я умею разве что полировать столы.

– Да ты... да ты... Аргх!

Юноша всплеснул руками и приложил печать к двери.

Стражники равнодушно взирали на них с легким неодобрением. Шай нарочно подбирала слова так, чтобы подчеркнуть, насколько она безобидна, в то время как кровопечатник – настоящее чудовище. Стражники почти три месяца наблюдали за ее возней и воспринимали ее как дружелюбного ученого, а кровопечатник пускал ей кровь, которую использовал для ужасных таинственных дел.

«Пора обронить бумагу», – подумала Шай.

Она опустила рукав, чтобы из него, пока стражники отвернулись, выскользнула подделка. С этого начинался план побега... Однако настоящая подделка, душа императора, еще не закончена.

Шай засомневалась. Глупо, но она засомневалась.

Дверь захлопнулась.

Она упустила возможность.

В оцепенении Шай добралась до кровати и присела на край. Поддельное письмо так и осталось в рукаве. Почему она засомневалась? Неужели ее инстинкт самосохранения настолько слабый?

«Я могу подождать еще немного, – сказала она себе, – пока не будет готов знак сущности Ашравана».

Шай твердила это себе уже не первый день. И даже не первую неделю. Чем ближе к назначенному сроку, тем вероятнее Фрава нанесет удар. Она снова заявила и под другим предлогом забрала записи Шай для изучения. Неуклонно приближался момент, когда другому поддельщику не составит труда разобраться в работе Шай и доделать ее самому.

По крайней мере, так он решит. Чем дальше продвигалась Шай, тем лучше понимала, насколько невыполнимо задание. И тем больше жаждала добиться успеха.

Она открыла свою книгу о жизни императора и вскоре обнаружила, что просматривает заметки о его юношеских годах. Мысли о том, что он не вернется к жизни, что вся ее работа – просто прикрытие для побега, причиняли физическую боль.

«Ночи, – мысленно вздохнула Шай, – ты к нему привязалась. Ты начинаешь видеть его глазами Гаотона!»

Нельзя давать волю чувствам. Она с ним даже никогда не встречалась. Кроме того, он недостойный человек.

Но так было не всегда. Нет, на самом деле он никогда не становился недостойным. Все гораздо сложнее, как и с любим другим. Она могла его понять, могла увидеть...

– Ночи! – воскликнула Шай, вскочив и отбросив книгу. Нужно проветрить голову.

Когда шесть часов спустя пришел Гаотона, Шай как раз прикладывала печать к дальней стене. Старик открыл дверь, шагнул в комнату и замер, когда стену затопило цветом.

От печати Шай, как струи краски, зазмеились узоры: зеленые, алые, янтарные. Как живая, выростала картина: на ветвях распускались листья, наливались гроздьями фрукты. Деталей становилось все больше, из ниоткуда появилась золотая отделка и побежала по стене, обрамляя листья и отражая свет.

Фреска заполнялась, каждый ее дюйм был пропитан иллюзией движения. Вились побеги, из веток неожиданно пробивались шипы. Гаотона с благоговением выдохнул и шагнул к Шай. За ним вошел Зу, а двое других стражников удалились, закрыв за собой дверь.

Гаотона прикоснулся к стене, но, разумеется, краска была сухой. Стена считала, что ее разрисовали много лет назад. Гаотона опустился на колени, рассматривая две печати, которые Шай поместила в основании картины. Трансформацию запускала

третья печать, поставленная сверху, а в двух первых было описано, как создать рисунок: основные принципы, изменения в прошлом и инструкции.

– Как? – спросил Гаотона.

– Один из бойцов сопровождал Ацуко из Джиндо во время его визита во Дворец Роз, – ответила Шай. – Ацуко заболел, и ему пришлось три недели провести в постели. В комнате всего лишь этажом выше.

– Твоя подделка помещает его в эту комнату?

– Да. Это случилось до того, как в прошлом году просочилась вода и испортила потолок. Поэтому его вполне могли разместить в этой комнате. Стена помнит, что Ацуко провел здесь много дней, слишком слабый, чтобы выходить. Но сил рисовать ему хватало – понемногу, чтобы скоротать время. Каждый день он добавлял к узору то лозу, то листики, то ягоды.

– Печать не должна схватиться, – заметил Гаотона. – Подделка неустойчивая. Ты изменила слишком многое.

– Да, она на грани... на грани, где только и встретишь величайшую красоту.

Шай отняла печать. Последние шесть часов словно выпали из памяти, так ее захватил творческий порыв.

– И все же... – произнес Гаотона.

– Она схватится. Если бы вы были стеной, что бы предпочли? Остаться серой и унылой или живой и яркой?

– Стены не могут думать!

– Это не мешает им быть равнодушными.

Гаотона покачал головой, бормоча что-то про суеверия.

– Сколько ушло времени?

– Чтобы сделать эту духопечать? Я вырезала ее урывками около месяца. Это последнее, что я хотела изменить в комнате.

– Художник был джиндойцем. Возможно, потому что вы соотечественники, стена... Но нет! Так думать – идти на поводу у твоих суеверий.

Гаотона покачал головой, пытаясь понять, почему эта фреска схватилась, хотя для Шай ответ был очевиден.

– Между прочим, мы с джиндойцами не соотечественники, – раздраженно проговорила она. – Может, у нас и общие корни, но мы совершенно разные.

Ох уж эти великие. Из-за схожести черт судят о родстве между народами.

Гаотона обвел взглядом комнату. Прекрасная мебель, отполированная и украшенная резьбой. Мраморный пол с серебряной инкрустацией, потрескивающий камин и небольшая люстра. На полу великолепный ковер, в прошлом рваное одеяло. Справа на стене сверкает витражное окно, свет льется из него на восхитительную фреску.

Первоначальный вид сохранила лишь дверь, массивная, но ничем не примечательная. Шай не могла ее подделать из-за печати кровопечатника.

– Ты понимаешь, что у тебя теперь лучшие покои во дворце?

– Это вряд ли, – хмыкнула Шай. – Наверняка лучшие покои у императора.

– Самые просторные, да. Но не лучшие. – Гаотона опустился на колени перед фреской, чтобы лучше рассмотреть печати внизу. – Ты добавила подробные разъяснения, как это рисовалось.

– Чтобы создать правдоподобную подделку, нужно в некоторой мере обладать соответствующими техническими навыками.

– Значит, ты могла расписать эту стену и сама.

– У меня нет красок.

– Их можно было попросить. Я бы принес. Вместо этого ты создала подделку.

– Такая уж я есть. – В Шай снова проснулось раздражение.

– Такой ты выбираешь быть. Если стена может пожелать стать фреской, Ван Шай-Лу, то и ты можешь захотеть стать великим живописцем.

Шай грохнула печатью о стол и пару раз глубоко вздохнула.

– А ты с характером, – добавил Гаотона. – Как и Ашраван. Собственно, теперь я точно знаю, каково это, поскольку ты несколько раз дала мне это ощутить на собственной шкуре. Интересно, можно ли использовать такой... способ, чтобы научить людей лучше понимать друг друга. Записать свои эмоции на печать и дать другим почувствовать, каково это быть тобой...

– Звучит отлично. Вот только подделка душ – ужасное преступление против природы.

– Вот только.

– Раз вы смогли прочитать эти печати, то и правда далеко продвинулись. – Шай подчеркнуто сменила тему. – Я начинаю думать, что вы жульничали.

– Собственно...

Злость приутихла, и Шай встрепенулась, окончательно ее отогнав. Что это на нее нашло?

Гаотона смущенно полез в карман и достал деревянную шкатулку. Шкатулку, в которой Шай хранила свои сокровища – пять знаков сущности. В трудную минуту они могли превратить ее в ту, кем она могла бы стать.

Шай шагнула вперед, но Гаотона открыл шкатулку – печатей в ней не было.

– Мне жаль. Но отдать их тебе сейчас было бы... немного глупо с моей стороны. По всей видимости, любая из них вмиг тебя освободит.

– На самом деле только две, – кисло признала Шай, дернув пальцами. На эти духопечати ушло больше восьми лет жизни. Первую она начала сразу после окончания обучения.

– Хм, да.

В шкатулке лежали металлические пластины, на которых были выгравированы печати поменьше, – чертежи для изменения ее души.

– Эта, полагаю? – Гаотона взял одну из пластин. – Шайзан. В переводе... Кулак Шай? Эта печать сделает из тебя воина?

– Да.

Значит, Гаотона изучал ее знаки сущности. Вот откуда он так хорошо научился читать ее печати.

– Я понимаю в лучшем случае лишь десятую часть начертанного, – сказал Гаотона.
– Но и это впечатляет. На их создание и правда должны были уйти годы.

– Они... очень дороги мне.

Шай заставляла себя сидеть за столом и не заикливаться на пластинах. Если получится сбежать с ними, она легко смастерит новую печать. Это все равно займет несколько недель, но большая часть многолетней работы не пропадет. Но если пластины уничтожат...

Гаотона сел на свое обычное место и принялся невозмутимо рассматривать пластины. Будь на его месте любой другой, Шай расценила бы это как угрозу: «Смотри, что у меня в руках, смотри, что я могу с тобой сделать». Однако к Гаотоне это не относилось. Ему было по-настоящему интересно.

Или нет? Как всегда, инстинкты брали свое. Шай хороша, но кто-то другой может оказаться лучше. О чем и предостерегал дядюшка Вон. Что, если Гаотона все это время ее дурачил? Шай не сомневалась, что стоит доверять своему мнению на его счет. Но если она ошиблась, это обернется катастрофой.

«Катастрофа возможна при любом раскладе, – подумала она. – Давно надо было сбежать».

– Я понимаю, когда превращаешь себя в воина. – Гаотона перебирал пластины. – И эту тоже – охотник и специалист по выживанию. Крайне практично. Впечатляюще. Эта – ученый. Но зачем? Ты и так ученый.

– Ни один человек не может знать всего, – ответила Шай. – На учебу времени не напасешься. С этим знаком сущности я заговорю на десятках языков, от фен до мулла'дил, даже на нескольких наречиях сайкла. Познаю десятки разных культур и как сойти в них за свою. Разберусь в естественных и точных науках, основных политических фракциях в мире.

– А, – только и сказал Гаотона.

«Просто отдай их мне», – подумала Шай.

– А что насчет этой? – поинтересовался Гаотона. – Нищенка? Зачем становится заморенной и... это означает, что у тебя выпадет большая часть волос, а кожа покроется шрамами?

– Кардинально изменится внешность, – пояснила Шай. – Это полезно.

Она опустила, что еще будет знать улицы как свои пять пальцев и сможет выжить на городском дне. Она и так неплохо взламывала замки, но с этой печатью никто с ней не сравнится.

С этой печатью, пожалуй, удастся протиснуться через крошечное окно и спуститься с пятого этажа на свободу – она переписывала прошлое так, будто Шай обладала многолетним опытом акробатики.

– Мог и сам догадаться. – Гаотона взял последнюю пластину. – Остается только эта, самая непонятная из всех.

Шай не проронила ни слова.

– Подготовка, работа на ферме, шитье. Полагаю, еще одна личина. Чтобы притвориться человеком попроще?

– Да.

Кивнув, Гаотона отложил пластину.

«Искренность. Он должен видеть, что я искренна. Ее не подделать».

– Нет, – вздохнула Шай.

Гаотона поднял на нее взгляд.

– Это... мой выход из профессии. Пользоваться я ей не собираюсь. Но если захочу, вот она печать.

– Выход из профессии?

– Если я когда-нибудь воспользуюсь этой печатью, она перепишет весь мой опыт поддельщицы. Вообще все. Я забуду, как делать простейшие печати. Забуду, что вообще училась подделыванию. Превращусь в обычного человека.

– А ты этого хочешь?

– Нет.

Пауза.

– Да. Может быть. Отчасти.

Искренность. С каким же трудом она дается. Но иногда это единственно возможный вариант.

Иногда Шай мечтала о простой жизни. Такие же нездоровые мысли возникают у человека на краю обрыва: может, взять и прыгнуть? Извечное искушение, пусть и нелепое.

Обычная жизнь. Не скрываться, не лгать. Шай любила то, чем занималась. Любила азарт, чувство успеха, ощущение чуда. Но иногда... сидя в камере или спасаясь бегством... иногда она мечтала о другом.

– Твой дядя и тетя? – спросил Гаотона. – Дядя Вон, тетя Сол, они тоже упомянуты. Я прочел об этом вот здесь.

– Они вымышленные, – прошептала Шай.

– Но ты все время вспоминаешь их наставления.

Она зажмурилась.

– Подозреваю, – продолжал Гаотона, – что жизнь, полная лжи, заставляет реальность смешиваться с вымыслом. Но если ты поставишь эту печать, то, безусловно, не забудешь все целиком. Как ты скроешь подлог от самой себя?

– О, это будет величайшая подделка. Она должна одурачить даже меня. В печать вписана уверенность в том, что я умру, если не буду ставить ее каждое утро. В ней есть история о болезни, о посещении... перепечатника, как вы их называете. Целитель, который работает с духопечатами, прописал фальшивой мне средство, которое нужно применять ежедневно. Тетушка Сол и дядюшка Вон будут присылать письма, помогая мне дурачить саму себя. Я их уже написала, сотни писем. Прежде чем воспользоваться знаком сущности, я хорошо заплачу службе доставки, чтобы они периодически присылали мне письмо.

– А если тебе захочется навестить родственников? – поинтересовался Гаотона. – Скажем, разузнать побольше о своем детстве.

– На пластине все есть. Я буду бояться путешествовать. Это правда, в подростковом возрасте я действительно опасалась покинуть свою деревню. С этой печатью я буду

держаться подальше от городов. Мне будет казаться, что ездить к родственникам слишком опасно. Но все это не важно, я никогда ею не воспользуюсь.

Эта печать покончит с ней. Шай забудет последние двадцать лет, вплоть до момента, когда ей было восемь и она впервые заинтересовалась тем, как стать поддельщицей.

Она превратится в совершенно другого человека. Остальные знаки сущности лишь переписывали часть ее прошлого, но не заставляли забыть, кто она на самом деле. С последней печатью все иначе. Она будет окончательной. Это ужасало.

– Ты проделала огромную работу ради того, чем никогда не воспользуешься, – заметил Гаотона.

– Иногда такова жизнь.

Гаотона покачал головой.

– Меня наняли, чтобы уничтожить картину, – выпалила Шай.

Она сама не до конца понимала, почему это сказала. С Гаотонкой нужно быть искренней, иначе ее план не сработает, но о картине можно было и не упоминать. Так?

Гаотона поднял взгляд.

– Шу-Ксен нанял меня уничтожить картину Фравы. Вот почему я сожгла шедевр, вместо того чтобы вынести его из галереи.

– Шу-Ксен? Но... он же автор картины! Зачем ему нанимать тебя, чтобы уничтожить свою работу?

– Потому что он ненавидит империю. Он написал эту картину для любимой женщины. Ее дети преподнесли картину в дар империи. Шу-Ксен уже стар, слеп и почти не может двигаться. Он не хотел уходить в могилу, зная, что одна из его работ служит во славу Империи Роз. Он умолял меня ее сжечь.

Гаотона остолбенел. Он смотрел на Шай так, будто пытался заглянуть к ней в душу. Мог бы этого и не делать, все равно их беседа почти вывернула ее душу наизнанку.

– Мастеров такого уровня подделать сложно, особенно не имея под рукой оригинала. Если вдуматься, вы поймете, что мне было не обойтись без его помощи. Он объяснил мне свои приемы и технику, рассказал, как ее рисовал. Обучил меня работе с кистью.

– Почему ты просто не вернула ему оригинал? – спросил Гаотона.

– Он умирает, – ответила Шай. – Для него нет смысла хранить картину у себя. Он написал ее для любимой. Ее больше нет, и он решил, что не должно быть и картины.

– Бесценное сокровище утрачено из-за глупой гордости.

– Это была его работа!

– Уже нет. Она принадлежала всем, кто ее видел. Зря ты согласилась. Уничтожение такого шедевра нельзя оправдать. – Гаотона помедлил. – И все же я могу понять. Ты поступила по-своему благородно. Твоей целью был Лунный скипетр. Было опасно подставляться ради уничтожения картины.

– В юности Шу-Ксен обучал меня живописи. Я не могла отказать ему в просьбе.

Гаотона не согласился, но, похоже, понял. Ночи, какой же уязвимой она себя чувствовала.

«Это важно, – сказала себе Шай. – И, может быть...»

Но Гаотона так и не вернул ей пластины. Шай этого и не ожидала, пока их соглашение не исполнено. А до его исполнения она наверняка не доживет, если только не сбежит.

Они испытывали последнюю партию новых печатей. Как Шай и предполагала, каждая продержалась по крайней мере минуту. В целом она уже представляла, какой должна быть финальная печать. После шестой печати Гаотона приготовился к следующей.

– Всё, – сказала Шай.

– Всё на сегодня?

– Вообще всё. – Шай убрала последнюю печать.

– Ты закончила? – Гаотона выпрямился на стуле. – Почти на месяц раньше! Это...

– Я не закончила. Впереди самое трудное. Нужно вырезать несколько сотен печатей в миниатюре, объединить их и создать ключевую печать. Пока что я будто смешивала краски и определялась с манерой исполнения. Теперь нужно все сложить воедино. Последний раз у меня ушло на это почти пять месяцев.

– А у тебя всего двадцать четыре дня.

– А у меня всего двадцать четыре дня.

Шай ощутила укол вины. Ей придется сбежать. Скоро. Нельзя ждать окончания работы.

– Тогда не буду мешать.

Гаотона поднялся, опуская рукав.

День восемьдесят пятый

«Да», – подумала Шай, роясь в стопках бумаг, разложенных по всей кровати. На столе не хватало места, поэтому она поплотнее заправила постель и разложила на кровати все свои записи.

«Да, его первой любовью была героиня из сказки». Вот почему... рыжие волосы Куршины... но это уже подсознательно. Он этого не понимал. Глубоко засело.

Как она это пропустила? До завершения работы вовсе не так близко, как ей казалось. И времени совсем нет!

Она добавила новые сведения в печать, над которой работала. В этой печати содержались романтические побуждения и любовный опыт Ашравана. Шай включила все случаи: деликатные, постыдные, знаменательные. Все, что удалось выяснить, и еще немного выдумок, чтобы наполнить душу, но с разумным риском: флирт с женщиной, чье имя Ашраван не сможет вспомнить, праздные фантазии, несостоявшийся роман с женщиной, которой уже нет в живых.

Эту часть души воссоздать труднее всего, поскольку она самая личная. Не многие деяния императора оставались тайной, но Ашраван не всегда был императором.

Приходилось додумывать, чтобы не оставлять душу пустой, без чувств.

Очень личные моменты, очень мощные. Пока Шай добавляла эти детали, Ашраван казался как никогда близким. Не так, будто она за ним подглядывала, но будто стала его частью.

Теперь Шай вела две книги: одну с общим описанием процесса, без деталей, согласно которой она катастрофически не успевала, и вторую, настоящую, замаскированную под пачку бесполезных, бессистемных заметок.

Она и правда не успевала, но не так сильно, как можно было решить из официальной книги. Надо надеяться, эта уловка подарит ей несколько дней, прежде чем Фрава нанесет удар.

В поисках нужной заметки Шай наткнулась на один из списков к плану побега. Она помедлила.

«Во-первых, разобраться с печатью на двери, – говорилось в зашифрованной записи. – Во-вторых, обезвредить стражников. В-третьих, по возможности вернуть знаки сущности. В-четвертых, сбежать из дворца. В-пятых, сбежать из города».

Каждый пункт был расписан подробно. Она не передумала бежать, по крайней мере не окончательно. У нее был хороший план.

Однако почти все внимание поглощали отчаянные усилия доделать душу. «Еще неделя, – сказала себе Шай. – Если закончу через неделю, останется еще пять дней до срока. Тогда можно бежать».

День девяносто седьмой

– Эй, – произнес, наклоняясь, Хурли. – Что это?

Хурли – крепкий боец – прикидывался глупее, чем есть на самом деле. Это помогало ему выигрывать в карты. У него было двое детей – девочки, обе младше пяти лет, но он все равно ходил на сторону с одной из стражниц. В глубине души Хурли мечтал стать плотником, как отец. И он пришел бы в ужас, если бы обнаружил, как много Шай о нем знает.

Хурли подобрал с пола листок бумаги. кровопечатник только что ушел. Наступило утро девяносто седьмого дня заключения Шай, и она решила привести план в исполнение. Пора выбирать.

Она не успела закончить печать императора. Оставалось совсем немного: одна ночь работы, и все будет готово. В любом случае по плану нужно подождать еще одну ночь.

– Должно быть, дохляк обронил, – сказала, подходя, Йил – напарница Хурли в утренней смене.

– Что это? – спросила Шай из-за стола.

– Письмо, – буркнул Хурли.

Стражники молча читали. Все бойцы во дворце были грамотными. Это требовалось от любого имперского государственного служащего выше второго ранга.

Шай, вся в напряжении, тихонько попивала чай с лимоном, заставляя себя дышать ровно. Она старалась расслабиться, хотя расслабляться ей сейчас хотелось меньше всего. Шай знала содержание письма наизусть, ведь она сама его написала и тайком обронила за спиной кровопечатника, когда тот уходил.

«Брат, – гласило письмо. – Я почти завершил свою задачу и получил столько, что позавидует и Азалек после работы в южных провинциях. Пленница, за которой я присматриваю, вряд ли стоит усилий, но кто я такой, чтобы задавать вопросы, если мне платят такие деньги? Я скоро к тебе вернусь. С гордостью сообщаю, что другая моя задача увенчалась успехом. Я отобрал нескольких умелых воинов и получил надлежащие образцы: волосы, ногти и личные вещи, которых не хватятся. Уверен, очень скоро у нас появятся собственные стражники».

Письмо продолжалось на обеих сторонах листка, чтобы не вызывать подозрений. Шай дополнила его дворцовыми сплетнями, включая те, что ей самой знать не полагалось, но о которых должен быть осведомлен кровопечатник.

Она беспокоилась, что письмо слишком откровенное. Не сочтут ли его стражники явной подделкой?

– Ну и ку-ну-кам, – прошептала Йил, используя слово на родном языке, которое приблизительно можно было перевести как «человек с анусом вместо рта». – Имперский ку-ну-кам!

По всей видимости, стражники сочли письмо настоящим. Солдатам не просто распознать коварство.

– Можно взглянуть? – попросила Шай.

Хурли протянул листок.

– Это то, о чем я думаю? Он собирал наши... образцы?

– Не обязательно у бойцов, – ответила Шай, прочитав письмо. – Он не уточнил.

– Зачем ему волосы? – спросила Йил. – И ногти?

– Они могут из них такое понаделать. – Хурли снова выругался. – Ты же видела, что он каждый день творит с кровью Шай на двери.

– Вряд ли что у него толком выйдет с волосами и ногтями, – скептически заметила Шай. – Это просто хвастовство. Чтобы его печати сработали, кровь должна быть свежей, собранной не больше дня назад. Он просто красовался перед братом.

– Все равно так нельзя, – сказал Хурли.

– Я бы не стала беспокоиться, – произнесла Шай.

Стражники переглянулись. Через несколько минут их смена закончилась. Хурли и Йил ушли, перешептываясь. Письмо Хурли спрятал в карман. Вряд ли они сильно навредят кровопечатнику. Разве что припугнут.

Все знали, что кровопечатник каждый вечер посещает чайные дома. Шай едва его не пожалела. Она заключила, что когда он получает вести из дома, то приходит вовремя, иногда в хорошем настроении. Когда писем нет – напивается. Этим утром он выглядел грустным, значит, давно не получал письма.

Все, что приключится с кровопечатником вечером, не сделает его день счастливее. Да, Шай едва не пожалела его, но тут же вспомнила про печать на двери и повязку, которую пришлось наложить, чтобы остановить кровь.

Как только стража сменилась, Шай глубоко вздохнула и вновь погрузилась в работу.

Ночью. Сегодня ночью она закончит.

День девяносто восьмой

Шай стояла на коленях посреди разложенных на полу листков бумаги с неразборчивыми записями и рисунками печатей. Забрел рассвет, солнечный свет проник сквозь витражное окно, рассыпав по комнате алые, синие и фиолетовые пятна.

Перед Шай на металлической пластине клише вниз лежала духопечать, вырезанная из отполированного камня. Затвердевший духокамень походит на стеатит или любой другой мелкозернистый камень, но отличается красными вкраплениями, словно его запятнали каплями крови.

Шай устало поморгала. Она и правда собирается бежать? Сколько она спала?.. Часа четыре за последние три дня?

Безусловно, с побегом можно подождать. Безусловно, можно отдохнуть. Хотя бы денек.

«Отдохнуть, – оцепенело подумала она, – и не проснуться».

Шай застыла на коленях. Печать казалась ей самой прекрасной вещью в мире.

Ее предки поклонялись камням, что по ночам падают с неба. Их называли душами низвергнутых богов. Мастера-резчики обрабатывали их, придавали им форму. Раньше Шай считала это глупостью. Зачем поклоняться тому, что сам же и создал?

Стоя на коленях перед своим шедевром, она наконец поняла. Казалось, в эту печать она вложила всю себя до последней капли, сумев вместить два года работы в три месяца и завершить ее за одну отчаянную, неистовую ночь. Этой ночью она внесла изменения – кардинальные изменения – в свои записи и в саму душу. Неизвестно, то ли их породил финальный, потрясающий образ окончательного результата... то ли эти изменения лишь ошибочные идеи, вызванные утомлением и заблуждением.

Не узнать, пока печатью не воспользуются.

– Оно... готово? – спросил один из стражников.

Стражники сидели в дальней части комнаты у камина, освободив ей место на полу. Шай смутно помнила, как отодвигала мебель. Какое-то время она вытаскивала стопки листков из-под кровати, потом полезла под нее за остальными.

Готово ли?

Шай кивнула.

– И что же это? – спросил стражник.

«Ночи, – подумала Шай. – Ну да, они же ничего не знают».

Во время ее разговоров с Гаотоной рядовые стражники каждый раз выходили из комнаты.

Вероятно, бедняг отправят на какой-нибудь отдаленный форпост империи, и остаток жизни они будут охранять перевалы к далекому полуострову Теоиш или что-нибудь в этом роде. Спрячут концы в воду, чтобы стражники даже случайно не проговорились о том, что видели.

– Спросите у Гаотоны, если интересно, – тихо ответила Шай. – Мне запрещено рассказывать.

Она с трепетом уложила печать вместе с пластиной в заранее приготовленную шкатулку. Печать уютно расположилась на красном бархате, пластина в форме большого тонкого медальона – в углублении под крышечкой. Шай закрыла шкатулку и придвинула к себе вторую, чуть побольше. В ней лежали пять печатей, которые она вырезала и подготовила для предстоящего побега. Если, конечно, удастся сбежать. Две печати Шай уже использовала.

Поспать бы пару часов. Хоть пару...

«Нет. Лечь в кровать я все равно не могу».

Но было бы чудесно свернуться калачиком на полу...

Дверь начала открываться. Шай затопила паника. кровопечатник? Он должен валяться в беспамятстве, упившись после стычки с бойцами!

На миг ее охватило странное чувство облегчения. Если явится кровопечатник, сбежать сегодня у нее ни единого шанса. Можно будет поспать. Неужели Хурли и Йил не устроили ему взбучку? Шай была уверена, что хорошо их изучила, но... поняла, что из-за усталости делает поспешные выводы. Дверь открылась, но вошел не кровопечатник.

Это был капитан Зу.

– Вон, – рявкнул он на стражников.

Те подскочили.

– И вообще, на сегодня свободны, – добавил Зу. – Я послежу за ней до конца смены.

Отдав честь, стражники вышли. Шай почувствовала себя раненым лосем, отбившимся от стада. Дверь закрылась, и Зу медленно, многозначительно повернулся к ней.

– Печать еще не готова, – солгала Шай. – Так что можешь...

– Ну и пусть. – Зу растянул губы в широкой улыбке. – Помнится, три месяца назад я тебе кое-что пообещал, воровка. Должок не оплачен.

В комнате царил полумрак, лампа догорала, а рассвет только занимался. Шай попятилась, на ходу меняя план. Все должно быть не так. С Зу ей не справиться.

Ее губы продолжали шевелиться, отвлекая его и разыгрывая придуманную на ходу роль:

– Когда Фрава узнает, что ты приходил сюда, она будет в ярости.

Зу обнажил меч.

– Ночи! – Шай отступила к кровати. – Зу, не надо. Меня нельзя убивать, печать еще не готова!

– Твою работу закончит другой, – зловеще ухмыльнулся Зу. – У Фравы есть другой поддельщик. Считаешь себя самой умной? Наверняка придумала отличный план побега на завтра. Но в этот раз мы тебя опередили. Не ожидала, лгунья? Я с радостью тебя прикончу. С огромной радостью.

Он сделал выпад, и острое меча рассекло блузку на боку Шай. Она отскочила с криком о помощи. Она все еще играла роль, но в актерской игре не было нужды: сердце колотилось, паника нарастала. Шай забежала за кровать, чтобы та оказалась между ней и Зу.

Зу широко улыбнулся и запрыгнул на кровать.

Кровать под ним тут же сломалась. Когда ночью Шай доставала из-под нее записи, то подделала деревянную раму так, чтобы та стала ненадежной, изъеденной насекомыми. Кроме того, Шай располосовала снизу матрас.

Зу едва успел крикнуть, как кровать полностью развалилась и рухнула в дыру в полу. Подсказкой для Шай стал запах плесени, который она ощутила, когда впервые вошла в комнату. Согласно отчетам деревянные балки вверху могли прогнить, а потолок – обвалиться, если бы протечку быстро не обнаружили. Благодаря простой и очень правдоподобной подделке не выдержал пол.

Зу свалился в пустую кладовку этажом ниже. Тяжело дыша, Шай заглянула в дыру. Зу лежал среди обломков кровати, остатков матраса и подушек. Скорее всего, он останется жив: ловушка предназначалась для одного из обычных стражников, к которым она не испытывала неприязни.

«Не совсем, как я планировала, – подумала она, – но сойдет».

Шай бросилась к столу и принялась собирать вещи: шкатулка с печатями, душа императора, запас духокамня и чернила. И две книги, в которых подробно описывались созданные печати, – официальная и настоящая.

Официальную Шай швырнула в камин и, остановившись перед дверью, начала отсчитывать удары сердца.

Она с мукой смотрела на пульсирующую метку кровопечатника. Наконец, после нескольких томительных минут, печать на двери вспыхнула в последний раз и... исчезла. кровопечатник не вернулся вовремя, чтобы ее обновить.

Свобода.

Шай выскочила из комнаты, теперь отделанной золотом и серебром. В ней она провела последние три месяца. Коридор, такой близкий, казался другой страной. Шай прижала одну из трех подготовленных печатей к своей блузке, подделывая ее под одежду дворцовой прислуги. Слева на груди появились официальные знаки различия.

Со следующим этапом нужно поспешить. Скоро или явится кровопечатник, или очнется Зу, или сменятся стражники. Шай хотелось бегом добраться по коридору до конюшни.

Но если человек бежит, значит, либо в чем-то виноват, либо спешит выполнить важное поручение. И то, и другое запомнится. Поэтому Шай двинулась вперед быстрым шагом с таким видом, будто знает, что делает, и ей нельзя чинить препятствия.

Вскоре она очутилась в более людной части огромного дворца. Никто ее не остановил. На одном из устланных коврами перекрестков она остановилась сама.

Справа длинный коридор вел ко входу в покои императора. Печать словно хотела выпрыгнуть из шкатулки, которую она несла в правой руке. Почему Шай не оставила ее в комнате, чтобы ее нашел Гаотона? Заполучив печать, арбитры гонялись бы за ней с меньшим усердием.

Можно бросить ее прямо здесь, в коридоре, увешанном портретами древних правителей и заставленном поддельными старинными вазами.

Нет. Шай взяла печать с собой не просто так. Она подготовилась проникнуть в покои императора и с самого начала знала, что будет делать.

Уйти сейчас – значит, так и не узнать, получилась ли печать. Это как построить дом, но не побывать внутри. Как выковать меч, но ни разу им не взмахнуть. Как создать шедевр и убрать его подальше, чтобы больше никогда не видеть.

Шай повернула направо.

Как только в поле зрения никого не оказалось, она перевернула одну из ужасных ваз и сломала отпечаток на доньшке. Ваза тут же превратилась в невзрачную глиняную версию самой себя.

Времени у Шай было в избытке, и она выяснила, где и кто именно мастерил эти вазы. Четвертая из заготовленных печатей превратила вазу в копию золотого ночного горшка. С горшком под мышкой Шай подошла ко входу в императорские покои и кивнула стражникам.

– Я тебя не знаю, – сказал стражник.

Шай тоже не знала этого парня с прищуром и шрамом на лице, что было ожидаемо. Стражников, которые присматривали за ней, держали отдельно от остальных, чтобы они не трепались о своих обязанностях.

– О, прошу прощения, – пристыженно произнесла Шай. – Мне поручили эту обязанность только сегодня утром.

Покраснев, она достала из кармана квадратик плотной бумаги, помеченный печатью и подписью Гаотоны. И то, и другое она подделала старым добрым способом. Очень удобно, ведь он сам позволил насоветовать ему, как обеспечить безопасность императорских покоев.

Шай беспрепятственно прошла дальше. Первые три комнаты обширных императорских покоев пустовали. За ними оказалась запертая дверь. Чтобы попасть внутрь, Шай пришлось воспользоваться той же печатью, что она прикладывала к кровати, и подделать дверь так, чтобы древесина стала изъеденной насекомыми. Печать продержалась недолго, но, чтобы открыть дверь, хватило и пары секунд.

Шай оказалась в спальне императора. Именно сюда ее привели в самый первый день, когда предложили сделку. Кроме лежавшего в постели императора в комнате никого не было. Император не спал и незряче пялился в потолок.

В комнате царила тишина, покой. И пахло... слишком чисто. Слишком стерильно. Как пустой холст.

Шай подошла к кровати. Ашраван не обратил на нее внимания. Его глаза не двигались. Она коснулась пальцами его плеча. Красивое лицо, хотя он старше ее лет на пятнадцать. По меркам великих это не так много, они живут дольше остальных.

Волевое лицо, несмотря на долгое пребывание в постели. Золотистые волосы, твердый подбородок, крупный нос. Черты лица, столь отличные от соплеменников Шай.

– Я знаю твою душу, – тихо сказала она. – Знаю ее лучше, чем ты сам.

Шай ждала, что в любой момент поднимут тревогу, но все равно опустила на колени возле кровати.

– Жаль, что мы не знакомы. Я знаю твою душу, но не тебя самого. Я читала о тебе; я заглянула в твое сердце. Я воссоздала твою душу, насколько смогла. Но знать человека не то же самое, что знать о человеке.

Что за крик снаружи, из дальней части дворца?

– Я не прошу многого, – тихо продолжила Шай. – Просто живи. Просто существуй. Я сделала, что смогла. Пусть этого будет достаточно.

Глубоко вздохнув, она открыла шкатулку и достала знак сущности. Смазала его чернилами, закатала рукав рубашки императора, обнажив плечо.

Помедлив, Шай прижала печать. Та коснулась плоти и, как это всегда бывает с печатями, на мгновение замерла. Через секунду кожа и мышцы уступили, печать вдавилась на долю дюйма.

Шай повернула печать, закрепляя, и отняла. Мягко засияла ярко-красная метка.

Ашраван моргнул.

Шай поднялась и отступила на шаг. Император сел и огляделся. Она отсчитывала про себя секунды.

– Мои покои, – пробормотал Ашраван. – Что произошло? На нас напали. Меня... меня ранили. О, мать света. Куршина! Ее убили.

Его лицо превратилось в маску скорби, но через секунду он взял себя в руки. Он император. Ашраван бывал вспыльчивым, но, за исключением приступов ярости, умел хорошо скрывать свои чувства. Он повернулся к Шай, и его живые глаза, которые вновь видели, обратились на нее.

– Кто ты?

Шай ожидала этого вопроса, но внутри у нее все сжалось.

– Что-то вроде лекаря. Вас тяжело ранили. Я вас исцелила. Однако способ, которым я воспользовалась, считается в вашей культуре... предосудительным.

– Ты перепечатница, – предположил Ашраван. – Поддельщица?..

– В своем роде, – ответила Шай. Он поверит в это, потому что хочет поверить. – Случай был сложным. Вам придется ставить печать каждое утро и всегда держать при себе металлическую пластину, она сделана в виде диска и лежит в этой шкатулке. Ашраван, без печати и пластины вы умрете.

– Дай ее мне. – Он протянул руку.

Шай колебалась, сама не зная почему.

– Дай ее мне, – повторил император настойчивее.

Шай вложила печать ему в руку.

– Никому не говорите, что здесь произошло, – сказала она. – Ни страже, ни прислуге. Только ваши арбитры знают, что я сделала.

Крики снаружи усилились. Ашраван повернулся к двери.

– Если никому нельзя знать, тебе пора. Уходи и не возвращайся. – Он перевел взгляд на печать. – Наверное, следовало тебя убить, раз ты знаешь мой секрет.

Вот и эгоизм, которому он научился за годы во дворце. Да, с этим она угадала.

– Но вы этого не сделаете, – сказала Шай.

– Нет.

А вот и милосердие из самых глубин его души.

– Уходи, пока я не передумал.

Шай сделала шаг к двери и достала карманные часы: прошло уже больше минуты. Печать схватилась, хотя бы на некоторое время. Шай обернулась к императору.

– Чего ты ждешь? – спросил он.

– Просто хотела взглянуть еще раз.

Ашраван нахмурился.

Крики становились все громче.

– Уходи, пожалуйста.

Похоже, он понимал, что это за крики, или, по крайней мере, догадывался.

– На этот раз постарайся быть лучше, – сказала Шай. – Пожалуйста.

И убежала.

Некоторое время она боролась с искушением вложить в Ашравана стремление ее защитить. Но для этого не было никаких оснований, по крайней мере, с его точки зрения, и вся подделка могла оказаться под угрозой. Кроме того, Шай не верила, что императору удастся ее спасти. До окончания траура ему нельзя покидать покои или говорить с кем-то, помимо арбитров. Все это время империей управляли арбитры.

На самом деле они и так ею управляли. Нет, если бы она опрометчиво внесла в душу Ашравана желание ее защитить, это бы не сработало. Перед последней дверью Шай подобрала поддельный ночной горшок, выбежала в коридор и громко ахнула.

– Это все из-за меня? – воскликнула она. – Ночи! Я же не хотела! Я знаю, что мне нельзя его видеть. Знаю, что он в уединении, но просто ошиблась дверью!

Стражники уставились на нее, потом один смягчился:

– Ты ни при чем. Иди к себе и не высывайся.

Шай слегка поклонилась и поспешила прочь. Большинство стражников ее не знают, так что...

Бок пронзила резкая боль. Шай задохнулась. Боль походила на ту, что настигала ее каждое утро, когда кровопечатник ставил печать на дверь.

Шай в панике оцупала бок. Когда Зу полоснул ее мечом, то разрезал не только блузку, но и темную нижнюю сорочку! Посмотрев на пальцы, Шай увидела кровь. Просто царапина, ничего серьезного. В суматохе она даже не заметила, что ранена.

Но на мече Зу осталась ее кровь. Свежая кровь. кровопечатник начал охоту. Боль означает, что он пытается ее обнаружить и натравить на нее своих питомцев.

Отшвырнув вазу, Шай бросилась бежать.

Прятаться больше нет смысла. Оставаться неприметной тоже. Если до нее доберутся скелеты кровопечатника, она умрет. Вот так. Нужно поскорее найти лошадь и держаться подальше от скелетов двадцать четыре часа, пока кровь не потеряет свежесть.

Шай неслась по коридорам. Слуги показывали на нее пальцами, некоторые поднимали крик. Она едва не сбила с ног южного посла в красных жреческих доспехах.

Выругавшись, Шай обогнула посла. Выходы из дворца уже перекрыты. Она знала это, так как изучала систему безопасности. Выбраться почти невозможно.

«Всегда имей запасной план», – любил повторять дядюшка Вон.

И он всегда у нее был.

Шай остановилась посреди коридора, осознав, что бежать к выходам бессмысленно. Следовало понять это раньше. Она едва не запаниковала, ведь по ее следу шел кровопечатник, но нужно мыслить ясно.

Запасной план. Он был безрассудным, но ничего другого не оставалось. Шай снова перешла на бег и свернула за угол, возвращаясь по собственным следам.

«Ночи, пусть я не ошиблась на его счет, – подумала она. – Если он еще больший обманщик, чем я, то мне конец. О, Неведомый Бог, пожалуйста. Пусть в этот раз я не ошиблась».

Сердце колотилось как бешеное. На миг забыв об усталости, Шай резко остановилась перед коридором, ведущим к покоям императора.

Шай ждала. Стражники хмуро смотрели на нее, но оставались на посту в конце коридора, как их учили. Они окликнули ее. Трудно было не сорваться с места. Кровопечатник и его ужасные питомцы подбирались все ближе...

– Что ты здесь делаешь? – раздался голос.

Шай повернулась. В коридоре показался Гаотона. Пока остальные искали Шай, он в первую очередь направился к императору, чтобы убедиться в его безопасности.

Шай взволнованно шагнула к нему.

«Пожалуй, это мой самый худший запасной план», – подумала она.

– Получилось, – тихо произнесла Шай.

– Ты приложила печать? – Гаотона схватил ее за руку и, бросив взгляд на стражников, отвел подальше от чужих ушей. – Из всех опрометчивых, безумных, дурацких...

– Получилось, Гаотона, – повторила Шай.

– Зачем ты пошла к нему? Почему не сбежала, пока была возможность?

– Мне нужно было знать. Нужно.

Он встретился с ней взглядом. Как всегда, заглянул прямо в душу. Ночи, из него вышел бы замечательный поддельщик.

– Кровопечатник взял твой след, – сказал Гаотона. – Он призвал этих... тварей, чтобы поймать тебя.

– Знаю.

Поколебавшись лишь миг, Гаотона выудил из своих бездонных карманов деревянную шкатулку. Сердце Шай дрогнуло.

Он протянул ей шкатулку, но когда она взяла, не отпустил.

– Ты знала, что я приду сюда, – произнес Гаотона. – Знала, что знаки сущности у меня с собой и что я отдам их тебе. Ты обвела меня вокруг пальца.

Шай промолчала.

– Как ты это сделала? – спросил он. – Я внимательно наблюдал за тобой. Я был уверен, что мной не манипулируют. И все же прибежал сюда, практически не сомневаясь, что встречу тебя. И что тебе понадобятся печати. До этого момента я не осознавал, что ты все это спланировала.

– Я действительно вами манипулировала, Гаотона, – признала Шай. – Но мне пришлось делать это самым сложным способом.

– Каким?

– Быть искренней.

– Нельзя управлять людьми с помощью искренности.

– Неужели? Разве не так вы сделали карьеру? Говорили правду, тем самым давая понять, чего от вас ожидать, и рассчитывали на честность взамен?

– Это не то же самое.

– Да, но это лучшее, что я могла сделать. Все мои слова – правда, Гаотона. Уничтоженная картина, мои секреты и мечты... Искренность. Единственный способ заставить вас встать на мою сторону.

– Я не на твоей стороне. – Гаотона помолчал. – Но и смерти твоей тоже не хочу, девочка. Тем более, если тебя прикончат те твари. Забери печати. Дни! Забери их и убирайся, пока я не передумал!

– Спасибо, – прошептала Шай, прижав шкатулку к груди, и вытащила из кармана юбки маленькую толстую книгу. – Храните в надежном месте. Никому не показывайте.

Гаотона нерешительно принял книгу.

– Что это такое?

– Правда. – Шай поцеловала его в щеку. – Если я выберусь, то переделаю свой последний знак сущности. Тот, что никогда не собиралась использовать... Я добавлю в него и в свои воспоминания доброго дедушку, мудрого и отзывчивого, который спас мне жизнь и которого я очень уважала.

– Беги, глупышка, – вымолвил Гаотона.

У него на глазах наворачивались слезы. Если бы Шай не находилась на грани паники, то ощутила бы гордость. И устыдилась бы этой гордости. Такой уж она была.

– Ашраван вернулся к жизни, – сказала Шай. – Когда будете думать обо мне, помните об этом. У меня получилось. Ночи, у меня получилось!

И она убежала от него по коридору.

Гаотона слышал, как она убегает, но не обернулся вслед. Он смотрел на дверь в покои императора. Двое озадаченных стражников у входа в?..

В будущее Империи Роз.

«Нами будет править не совсем живой человек, – подумал Гаотона. – Плод наших нечестивых усилий».

Глубоко вздохнув, он прошел мимо стражников и распахнул дверь, дабы узреть то, что сотворил.

«Пожалуйста, только не монстр».

Шай шагала по коридорам дворца со шкатулкой в руках. Она избавилась от блузки – закинула ее в карман, оставшись в черной хлопковой сорочке, юбке и облегающих брюках. Эта одежда не сильно отличалась от того, в чем она обычно тренировалась.

Слуги перед ней расступались: по ее виду было понятно, что лучше убраться с ее пути. Шай вдруг почувствовала себя как никогда уверенно.

Она вернула свою душу, всю целиком.

Шай на ходу достала один из знаков сущности, хорошенько обмакнула его в чернила, а шкатулку спрятала обратно в карман юбки. Потом прижала печать к правому плечу и провернула, переписывая свое прошлое, воспоминания, жизненный опыт.

Долю секунды она помнила обе версии прошлого. Помнила, как провела два года взаперти, разрабатывая и создавая этот знак сущности. Помнила, как всю жизнь была поддельщицей.

В то же время она помнила, что последние пятнадцать лет провела среди народа теуллу. Они удочерили ее и обучили своим боевым искусствам.

Два места, два прошлых одновременно.

Потом прежняя жизнь померкла, и она превратилась в Шайзан. Так нарекли ее теуллу. Тело стало стройнее и крепче. Тело воина. Она сняла очки: они ей больше не требовались, ее глаза давно исцелили.

Обучиться боевым искусствам теуллу было сложно, они не любили чужаков. За год тренировок Шай с десятков раз едва не убили. Но она достигла успеха.

Она утратила все знания о том, как создавать печати, все свои склонности к науке. Она оставалась самой собой и помнила недавнее прошлое: как ее поймали и посадили в темницу. Логически она понимала, что сделала, поставив печать, и знала, что воспоминания о ее нынешней жизни – фальшивка.

Но чувства говорили иное. Как только на ее руке загорелась метка, она стала той версией себя, что могла появиться, если бы ее воспитали в культуре суровых воинов и она прожила бы среди них добрый десяток лет.

Она скинула обувь. Ее волосы укоротились, от носа по правой щеке протянулся шрам. Она двигалась как воин – крадучись.

Она добралась до той части дворца, где жили слуги, рядом с конюшнями. Слева располагалась императорская галерея.

Дверь перед ней распахнулась, и появился Зу, высокий и с улыбкой до ушей. Из-под повязки на лбу сочилась кровь, одежда после падения была вся изорвана.

В его глазах бушевала буря. При виде Шай он усмехнулся.

– Ты все-таки сбежала. кровопечатник вывел нас прямо на тебя. С какой же радостью я...

Не успел он договорить, как Шайзан молниеносно шагнула вперед, ребром ладони сломала ему запястье и вышибла меч. Потом ткнула рукой ему в горло. После этого сложила пальцы в кулак и коротко, со всей силы ударила в грудь, сломав шесть ребер.

Зу отпрянул, хватая ртом воздух и от шока выпучив глаза. Меч с лязгом упал на пол. Шайзан сдернула с пояса Зу нож и перерезала застежку плаща.

Зу рухнул, оставив плащ в ее руке.

Шай не преминула бы что-нибудь сказать. У Шайзан не хватало терпения на остроты и колкости. Воин всегда в движении, как река. Не сбившись с шага, она завернулась в плащ и направилась в коридор, из которого появился Зу.

Зу ловил ртом воздух. Жить будет, но держать меч не сможет несколько месяцев.

В конце коридора возникло какое-то движение: существа с белыми конечностями, слишком тощие для живых. Шайзан встала в широкую стойку, слегка развернувшись боком, лицом к коридору, подогнув колени. Неважно, сколько чудищ у кровопечатника. Неважно, победит она или проиграет.

Важен лишь вызов. И все.

Их было пятеро, они имели очертания людей с мечами. Скелеты устремились по коридору, гремя костями. Безглазые черепа бессмысленно пялились на нее, зубы скалились в вечной ухмылке. Место некоторых костей, потерянных в бою, занимали деревяшки. У каждой твари на лбу сияла красная печать: для их оживления требовалась кровь.

Даже Шайзан никогда раньше не сражалась с такими монстрами. Меч против них бесполезен. Но эти деревянные... некоторые замещали ребра и другие кости, ненужные в битве. Если сломать или убрать кости, остановит ли это тварь?

Видимо, это ее лучший шанс. Больше она не раздумывала. Шайзан всегда вели инстинкты. Как только твари приблизились, она взмахнула плащом Зу и накинула его на голову первому скелету. Тот начал лупить по плащу, и Шайзан повернулась ко второму скелету.

Она отразила атаку ножом Зу. Потом шагнула к твари так близко, что ощутила вонь костей, сунула руку под ребра, схватила за позвоночник и резко дернула, вырывая сразу несколько позвонков. Грудина порезала ей предплечье. Похоже, все кости у скелетов специально заострили.

Тварь с грохотом упала. Шайзан оказалась права: если убрать главные кости, скелет расстается с «жизнью». Она отбросила позвонки в сторону.

Осталось четверо. Исходя из ее скудных знаний о скелетах, они никогда не уставали и отличались безжалостностью. Действовать нужно быстро, иначе ее одолеют.

Трое напали сзади. Шайзан нырнула в сторону. Она обогнула первого скелета, который наконец скинул плащ, и вцепилась в глазницы его черепа. Тварь резанула ее мечом по руке, на стену брызнула кровь. Шайзан оторвала череп, и скелет рухнул на пол грудой костей.

«Двигайся. Не останавливайся».

Если она остановится, то умрет.

Развернувшись к оставшимся трем, она отразила один удар черепом, другой – кинжалом. Попыталась обойти третьего, но он успел задеть мечом ее бок.

Шайзан не чувствовала боли. Она научилась не обращать на нее внимания в бою. И хорошо, потому что рана была болезненной.

Она врезала черепом по голове скелета. Оба черепа разлетелись на осколки, скелет упал. Шайзан поднырнула между оставшимися двумя скелетами, и их мечи, бывшие наотмашь, лязгнули друг о друга. Она пнула ногой одного, тот попятился, и всем весом налетела на второго, впечатав его в стену. Кости смялись, Шайзан ухватила за позвоночник и вырвала несколько позвонков.

Скелет с грохотом упал. Выпрямляясь, Шайзан пошатнулась. Она потеряла слишком много крови. Это ее замедляло. Когда она выронила нож? Должно быть, он выскользнул из пальцев, когда она вмяла скелет в стену.

«Соберись. Остался один».

Скелет атаковал ее, держа в каждой руке по мечу. Шайзан рванулась вперед, сблизившись с ним прежде, чем тот успел размахнуться, и ухватила его за кости предплечий. Под таким углом их не вырвать. Кряхтя от натуги, она не подпускала к себе мечи. Это удавалось с трудом. Она слабела.

Скелет поднажал. Шайзан зарычала. Из руки и бока ручьем лилась кровь.

Она боднула тварь головой.

В жизни получилось гораздо хуже, чем в сказках. У Шайзан помутилось в глазах. Задыхаясь, она упала на колени. Скелет рухнул перед ней, треснувший от удара череп отвалился и покатился в сторону. По лицу Шайзан текла кровь. Она разбила лоб, а то и повредила собственный череп.

Шайзан завалилась набок, стараясь не потерять сознание.

Тьма медленно отступила.

Шайзан лежала среди разбросанных костей в пустом каменном коридоре. Единственной краской здесь была ее кровь.

Она победила. Преодолела еще одно испытание. Из горла вырвался боевой клич ее приемной семьи. Она нашла нож и разрешила блузку на полосы, чтобы перевязать раны. Она потеряла много крови. Несмотря на всю свою выучку, еще одного испытания сегодня она не выдержит. Нет сил.

Шайзан с трудом поднялась и отыскала плащ Зу. Все еще обездвиженный болью, капитан потрясенно наблюдал за ней. Она собрала все пять черепов питомцев кровопечатника в плащ и завязала в узел.

После этого пошла дальше по коридору, пытаясь выглядеть сильной и не показывать, что на самом деле ее одолевают усталость, головокружение и боль.

«Он должен быть где-то здесь...»

В дальнем конце коридора она дернула дверцу кладовки и обнаружила на полу кровопечатника. В его глазах застыл ужас от того, как она одного за другим уничтожила его питомцев.

Шайзан схватила его за ворот рубашки и вздернула на ноги, от усилия едва не потеряв сознание. Аккуратнее.

Кровопечатник заскулил.

– Возвращайся в свои болота, – тихо прорычала Шайзан. – Женщине, которая тебя ждет, наплевать, сколько ты заработаешь в столице, даже если это все ради нее. Она хочет, чтобы ты вернулся домой. Это можно прочесть между строк в ее письмах.

Шайзан сказала это из-за Шай, чтобы та не чувствовала себя виноватой.

Кровопечатник воззрился на нее в недоумении.

– Как ты... ар-ргх!

Последнее восклицание вырвалось у него, когда Шайзан вонзила кинжал ему в ногу. Он рухнул на пол, как только она выпустила его рубашку.

– А это, – негромко произнесла Шайзан, наклоняясь, – чтобы запастись твоей кровью. Не надо на меня охотиться. Ты видел, что я сделала с твоими питомцами. С тобой поступлю еще хуже. Я забираю черепа, чтобы ты не отправил их за мной снова. Возвращайся домой.

Он слабо кивнул. Шайзан оставила его на полу, съежившегося и держащегося за окровавленную ногу. Когда появились скелеты, все разбежались, в том числе стражники. Шайзан направилась было к конюшне, но остановилась, призадумавшись. Это ведь недалеко...

«Ты едва не погибла от ран, – напомнила она себе. – Не глупи».

Но она все равно решила поступить глупо.

Немного спустя Шайзан добралась до конюшни и обнаружила там лишь пару испуганных конюхов. Она выбрала самого видного скакуна. Вот так, облаченная в плащ Зу, на его же коне, Шайзан галопом вылетела за ворота дворца, и ни одна живая душа не пыталась ее остановить.

– Неужели она сказала правду? – спросил Ашраван, рассматривая себя в зеркале. Гаотона поднял на него взгляд. «А в самом деле?» – подумал он. С Шай никогда не ясно.

Ашраван настоял на том, чтобы одеться самому, хотя явно ослаб после долгого пребывания в постели. Гаотона сидел рядом на табурете, пытаясь разобраться в захлестнувших его чувствах.

– Гаотона? – Ашраван повернулся к нему. – Меня ранили, как сказала та девушка? И чтобы исцелить меня, вы обратились к поддельщику, а не к нашим мастерам-перепечатникам?

– Да, ваше величество.

«Мимика, жестикуляция, – подумал Гаотона. – Как она все так точно угадала? Как он хмурится, прежде чем задать вопрос, как наклоняет голову вбок, если не получает немедленного ответа. Как стоит, как шевелит пальцами, когда говорит, как ему кажется, что-то особенно важное...»

– Поддельщица из народа май-пон. – Император накинул золотистую мантию. – Думаю, вряд ли это было необходимо.

– Наши перепечатники оказались бессильны перед вашими ранами.

– Мне казалось, это невозможно.

– Нам тоже.

Император посмотрел на красную печать на своей руке. Его лицо посуровело.

– Это цепи, Гаотона. Бремя.

– Вы вытерпите.

Ашраван повернулся к нему.

– Вижу, старик, близость повелителя к смерти не добавила тебе почтения.

– Я устал за последнее время, ваше величество.

– Ты меня осуждаешь. – Ашраван снова повернулся к зеркалу. – Как и всегда. Дни в огне! Однажды я от тебя избавлюсь. Ты ведь это понимаешь? Я держу тебя при себе только из-за твоих прежних заслуг.

Поразительно. Это Ашраван. Подделка оказалась настолько точной, настолько совершенной, что если бы Гаотона не знал истины, то никогда бы не догадался. Ему хотелось верить, что душа императора по-прежнему в его теле, а печать просто... извлекла ее наружу.

Удобная ложь. Возможно, в конце концов он в нее поверит. К сожалению, он видел, каким был взгляд императора, и знал... знал, что сделала Шай.

– Я схожу к остальным арбитрам, ваше величество, – сказал Гаотона, вставая. – Они пожелают вас увидеть.

– Хорошо. Ты свободен.

Арбитр направился к двери.

– Гаотона.

Он обернулся.

– Я пролежал в постели три месяца. – Император разглядывал себя в зеркале. – Ко мне никого не допускали. Перепечатники ничем не смогли помочь, а они способны излечить любую обычную рану. Значит, что-то случилось с моим разумом?

«Он не должен был догадаться, – пронеслось в голове Гаотоны. – Шай обещала, что не добавит это в печать».

Но Ашраван был умным человеком. Несмотря ни на что, он всегда был умным. Шай восстановила его, а значит, он мыслил как прежде.

– Да, ваше величество, – ответил Гаотона.

Ашраван хмыкнул.

– Тебе повезло, что твой план удался. Ты мог лишиться меня способности думать, мог продать саму мою душу. Даже не знаю, наказать тебя или вознаградить за такой риск.

– Уверяю вас, ваше величество, – сказал Гаотона, уходя, – за эти месяцы я себя уже достаточно и наказал, и вознаградил.

Он вышел, оставив императора смотреть на себя в зеркало и размышлять о последствиях случившегося.

Так или иначе, у них снова есть император.

Или, по крайней мере, его копия.

Эпилог День сто первый

– И поэтому я надеюсь, – вещал Ашраван перед арбитрами всех восьмидесяти фракций, – что положил конец пагубным слухам. Очевидно, преувеличения о моей болезни были лишь попытками выдать желаемое за действительное. Нам еще предстоит выяснить, кто подослал убийц, – он оглядел арбитров, – но убийство императрицы им с рук не сойдет.

Сложив руки, Фрава наблюдала за копией императора с удовлетворением, но и с досадой. «Какие потайные лазейки ты оставила в его разуме, маленькая воровка? – думала Фрава. – Мы их отыщем».

Найен уже изучал копии печатей. Поддельщик уверял, что сможет дешифровать их, хотя на это нужно время. Возможно, годы. Рано или поздно Фрава узнает, как управлять императором.

Со стороны девчонки было очень умно уничтожить все записи. Догадалась ли она, что Фрава на самом деле их не копировала? Фрава покачала головой и подошла к Гаотоне, который сидел в их ложе Театра выступлений. Сев рядом, она очень тихо проговорила:

– Они верят.

Гаотона кивнул, не сводя глаз с фальшивого императора.

– Ни тени подозрения. То, что мы сделали... не просто дерзко, это считалось невозможным.

– Девчонка может приставить нам нож к горлу, – сказала Фрава. – Доказательство того, что мы сделали, выжжено на теле императора. В ближайшие годы нужно соблюдать осторожность.

Гаотона рассеянно кивнул. Дни в огне, как же Фраве хотелось избавиться от него. Среди арбитров только он осмеливался ей перечить. Перед самым покушением император был готов уступить ее наущениям и отправить Гаотону в отставку.

Беседы с императором проходили в приватной обстановке. Шай не могла ничего знать о них, а значит, и новый император тоже. Фраве придется все начинать заново, если только она не найдет способ управлять копией Ашравана. Оба варианта вызывали у нее досаду.

– В глубине души я никак не поверю, что нам удалось, – тихо сказал Гаотона, когда фальшивый император перешел к следующей части своей речи, призыву к единению.

Фрава фыркнула.

– Это был надежный план с самого начала.

– Шай сбежала.

– Найдем.

– Вряд ли. Нам повезло, что мы поймали ее в первый раз. К счастью, мне кажется, нам не грозят проблемы с ее стороны.

– Она попытается нас шантажировать, – настаивала Фрава. – Или попытается найти способ управлять императором.

– Нет, – возразил Гаотона. – Нет, она всем довольна.

– Довольна, что унесла ноги живой?

– Довольна, что на троне сидит ее творение. Раньше она хотела одурачить тысячи людей, но теперь получила шанс одурачить миллионы. Всю империю. По ее мнению, разоблачение разрушит все величие ее замысла.

Неужели старый дурак действительно в это верит? Его наивность часто играла на руку Фраве. По одной только этой причине она подумывала, не оставить ли его на должности.

Фальшивый император продолжал вещать. Ашравану нравилось слушать собственный голос. С этим Шай угадала.

– Он использует покушение как предлог для укрепления нашей фракции, – сказал Гаотона. – Слышите? Как следствие, мы должны сплотиться, вспомнить о нашем наследии и силе... А как пренебрежительно он отзывается о слухах насчет своего убийства и подрывает авторитет фракции «Слава», которая распространяла эти слухи. Они делали ставку на то, что он не вернется. Но вот он жив-здоров, а они остались в дураках.

– Верно, – согласилась Фрава. – Это вы его надоумили?

– Нет, – ответил Гаотона. – Он наотрез отказался от моей помощи при подготовке речи. Хотя мне кажется, что так мог поступить Ашраван из прошлого, лет десять назад.

– Значит, копия не идеальная, – отметила Фрава. – Не стоит этого забывать.

– Да.

В руках Гаотона держал маленькую толстую книжку, которую Фрава прежде не видела.

У входа в ложу послышался шорох. Вошла служанка со знаками различия Фравы и, миновав арбитров Стивиента и Ушнаку, склонилась перед госпожой.

Фрава недовольно посмотрела на девушку.

– Что может быть настолько важным, чтобы надоедать мне здесь?

– Простите, ваша милость, – прошептала служанка. – Но вы просили подготовить ваш кабинет для совещания после полудня.

– Ну и что? – спросила Фрава.

– Госпожа, заходили ли вы вчера в кабинет?

– Нет. Я была занята. Сначала этот негодяй кровопечатник, потом поручения императора и... – Фрава нахмурилась. – А что там?

Шай обернулась посмотреть на имперскую столицу, раскинувшуюся на семи больших холмах. На центральном холме высился дворец императора, его окружали холмы с домами шести главных фракций.

Лошадь у Шай в поводу мало походила на ту, что она позаимствовала во дворце. У лошади не хватало зубов, провисла спина, ребра выпирали от голода, как перекладки на спинке стула. Она шла, низко опустив голову. Попону, казалось, не чистили годами.

Последние дни Шай отсиживалась на городском дне, воспользовавшись знаком сущности нищенки. Замаскировав таким образом себя и лошадь, она без особого труда покинула столицу, а выбравшись, сразу избавилась от печати. Образ мышления нищенки оказался весьма... неприятным.

Ослабив подпругу, Шай сунула руку под седло, подцепила ободок сияющей печати и, приложив небольшое усилие, сломала ее. Подделка развеялась. Лошадь мгновенно изменилась: выпрямилась спина, поднялась голова, исчезла худоба. Боевой конь Зу неуверенно загарцевал, дергая головой и натягивая поводья. Это был превосходный скакун, и стоил он побольше, чем домик в некоторых провинциях империи.

Среди вещей, притороченных к спине коня, Шай прятала картину, которую повторно выкрала из кабинета Фравы, – подделку. Шай еще не доводилось красть собственное творение. Это было довольно забавно. Вырезав полотно из большой рамы, в самом ее центре Шай нацарапала на стене руну Рео. Значение у нее не слишком приличное.

Шай похлопала коня по шее. Если подумать, не самая плохая добыча: отличный конь и картина, пусть и поддельная, но столь близкая к оригиналу, что даже владелица не заметила разницы.

«Как раз сейчас он произносит речь, – подумала Шай. – Было бы здорово послушать».

Ее шедевр, венец ее творения облачен в императорскую мантию. Это будоражило, но и толкало вперед. Шай так неистово работала не только для того, чтобы вернуть императора к жизни. Нет, в самом конце она так усердствовала, поскольку хотела добавить в его душу некоторые особые изменения. Наверное, на нее повлияли несколько месяцев искренности в общении с Гаотоньей.

«Если снова и снова рисовать одно и то же на верхнем листке в стопке, – подумала Шай, – в конце концов изображение отпечатается и на нижних листках. Даже в самой глубине».

Повернувшись, Шай достала знак сущности, который превратит ее в специалиста по выживанию и охотника. Фрава будет ждать, что Шай воспользуется дорогами, поэтому лучше передвигаться по близлежащему Согдийскому лесу. В его чащобах можно отлично спрятаться. Через несколько месяцев она осторожно покинет провинцию и устремится к новой цели: выследить императорского шута, который ее предал.

Пока что Шай хотелось оказаться как можно дальше от стен, дворцов, лести и лицемерия. Она взгромоздилась в седло и мысленно попрощалась со столицей империи и человеком, который теперь ею правил.

«Живи как следует, Ашраван, – подумала она. – Не подведи меня».

Поздно вечером, после императорской речи Гаотона сидел у знакомого камина в своем личном кабинете и изучал книгу, что оставила ему Шай.

И изумлялся.

Книга представляла собой детальное описание духопечати императора. Все, что сделала Шай, лежало перед Гаотоной как на ладони.

Фрава не найдет лазейку в душу императора, потому что ее не существует. Душа Ашравана – цельная, завершенная и принадлежит лишь ему одному. Это не значит, что император точно такой же, каким был прежде.

«Как видно, я допустила некоторые вольности, – писала Шай в заметках. – Я хотела воссоздать его душу как можно точнее. В этом состояла задача, в этом заключался вызов. Я справилась. Но на этом не остановилась: усилила одни воспоминания и ослабила другие. Глубоко в душу Ашравана встроены триггеры, которые заставят его особым образом реагировать на покушение и излечение. Это не меняет его душу. Это не делает его другим человеком. Просто подталкивает в определенном направлении подобно тому, как уличный шулер подталкивает свою жертву выбрать определенную карту. Это все тот же Ашраван. Такой, каким он мог стать. Кто знает? Возможно, он и стал бы таким».

Разумеется, сам Гаотона никогда бы не понял, в чем дело. В этой области он не силен. Скорее всего, он бы не заметил правки Шай, даже будь он мастером. В своих записях она пояснила, что хотела сделать все как можно тоньше, чтобы никто ничего не разглядел. Заподозрить неладное мог только очень близкий к императору человек.

Но благодаря заметкам Шай Гаотона увидел разницу. Ашраван заглянул в глаза смерти, и это подтолкнуло его к самокопанию. Он отыщет свой дневник и будет снова и снова перечитывать записи юности. Увидит, каким был, и в конце концов постарается вернуться к прежним идеалам.

Шай отмечала, что изменения будут постепенными и займут годы. Ашраван станет человеком, которым ему было предназначено стать. Мельчайшие побуждения, глубоко упрятанные в печатях, будут подталкивать его к выдающимся достижениям, а не к потаканию прихотям. Он начнет думать о своем наследии, а не об очередном пире. Будет помнить о народе, а не о званых ужинах. И наконец заставит фракции принять изменения, необходимость которых отмечал он сам и многие до него.

Проще говоря, он станет борцом. Он совершит этот единственный, но такой тяжелый шаг от мечтателя к вершителю. Все это Гаотона видел на страницах книги Шай.

Он обнаружил, что плачет.

Не о будущем и не об императоре. Это были слезы человека, узревшего шедевр. Истинное искусство, которое больше, чем просто красота, больше, чем мастерство. И это не просто подражание.

Это дерзость, контрастность, тонкость. В книге Шай Гаотона узрел редкостное творение, которое могло соперничать с работами величайших художников, скульпторов и поэтов всех времен.

Это было величайшее произведение искусства, которое он когда-либо видел.

Почти всю ночь Гаотона благоговейно изучал книгу. Это был плод лихорадочного, напряженного художественного вдохновения. Его творили по принуждению, но выпустили как до предела задержанный вздох. Грубый, но отточенный. Отчаянный, но выверенный.

Потрясающий, но невидимый.

Пусть таким и остается. Если узнают, что сделала Шай, императору конец. Пошатнутся основы империи. Ни одна живая душа не должна знать, что Ашраван решил наконец стать великим правителем из-за слов, вложенных в его душу богохульницей.

Когда забрезжил рассвет, Гаотона медленно, мучительно поднялся и подошел к камину, сжимая в руке книгу – непревзойденное произведение искусства.

И бросил ее в огонь.

Удаленный пролог

Шай вдавила ноготь в один из каменных блоков тюремной камеры. Камень слегка поддался. Нахмурившись, она растерла пыль меж пальцев.

– Известняк? – тихо спросила она. – Кто строит темницу из известняка?

Разумеется, вся камера не сложена из него целиком, лишь этот блок. Пока Шай насчитала двадцать семь разновидностей камня, в том числе несколько неизвестных. Сбежать будет трудно. Очень трудно.

Эту камеру создали специально для поддельщиков. Шай опустила на колени у койки и вилкой, на которой отогнула все зубцы, кроме одного, принялась царапать заметки на деревянной ножке. С другой стороны ножки она вырезала схему, в которой пронумеровала все блоки задней стены камеры. Без очков приходилось шуриться.

С некоторым трудом она выцарапала слово «известняк» в качестве пояснения к тому блоку, который только что определила.

– Ну правда, – проворчала она за работой, – раз уж приговорили девушку к казни, то хотя бы дайте ей листок бумаги.

– Листок бумаги? – произнес насмешливый голос с другой стороны тюремной решетки. – Ты в самом деле попросила бумагу?

Подскочив от неожиданности, Шай поднялась на ноги и спрятала руку с вилкой за спину. Красть вилку было неприятно. Если она ее потеряет...

Но это оказался всего-навсего дворцовый шут. Его ястребиное лицо венчал трехконечный шутовской колпак, выдержанный в черно-белых тонах, а не в традиционных медных, а плечи укрывала черная мантия, длинная и свободная, почти как у великих. В иной ситуации такой наряд не сошел бы ему с рук, но великие питали нелепую слабость к своим шутам.

– Пришел поиздеваться? – огрызнулась Шай, вернувшись к резьбе.

– Я не издеваюсь над осужденными, – ответил шут. – Ты и правда попросила у них бумагу, Шай?

– Меня приговорили к казни. На последней неделе жизни просьбы должны выполняться. Это традиция.

– Ты профессиональная поддельщица, – возразил шут. – Дать тебе бумагу все равно что вручить меч пленному солдату, если тот вежливо попросит.

Шай фыркнула и продолжила подсчитывать блоки в стене, делая заметки.

– С одной бумагой далеко не уедешь.

Вот если бы у нее был духокамень...

– Подозреваю, это дело принципа, – отозвался шут.

В его голосе по-прежнему сквозила насмешка. Как прекрасно, что ее жизнь, а особенно близкая кончина, хотя бы повеселит императорского шута.

– Знаешь, в стене сорок четыре разновидности камня, – произнес он.

Шай обернулась.

– Какие?

Шут прислонился к стене и принялся чистить ногти.

– Вон тот, вверху слева, который ты так долго пыталась распознать, точильный камень из Лайосской каменоломни.

– Назови остальные. – Шай бросила вилку и вцепилась в прутья решетки. – Шут, назови остальные.

– Я мог бы, но что толку? Допустим, ты узнаешь все сорок четыре разновидности, их прошлое и в каких каменоломнях их добыли, что дальше? За пару дней создашь печать для всей стены? Вырежешь духопечать из чего?.. Из дерева? Даже будь у тебя подходящий камень, чем будешь резать, вилкой?

Шай опустила взгляд на вилку.

– Стена – задача сложная, Шай.

Она закрыла глаза. В глубине души она знала. Стена из камня десятков разновидностей? Головоломка, призванная занять поддельщика. Чтобы отвлечь, заставить забыть хотя бы на короткое время о предстоящей казни...

Но что ей остается? Сдаться? Попытаться вместо стены подделать прутья решетки? Их выплавили из ралькалеста, который нельзя подделать. Ничего не выйдет.

– Мне жаль, – сказал шут.

– Тебе? Ты просто придворный шут. Какое мне дело до...

Шай осеклась.

– Ты! – воскликнула она, тыча в шута пальцем. – Это ты меня сдал!

– Да.

– Ночи! Почему?

– Я не мог позволить тебе украсть скипетр.

– Что? С чего ты вдруг стал таким преданным? Ночи, шут! Нужно было прийти ко мне. Я бы предложила тебе золото в обмен на молчание.

– Я не мог позволить тебе украсть его, потому что должен был украсть его сам.

Шай застыла.

– Твоя копия, смею добавить, пришлась весьма кстати. – Шут сложил руки за спиной. – Спасибо.

Шай была поддельщицей. Всю жизнь она изучала, как люди мыслят и как лучше всего обвести их вокруг пальца. Она всегда могла распознать подделку, по крайней мере раньше.

И все это время... Кусочки головоломки сложились воедино. Он ее одурачил. Он одурачил их всех: и великих, и всю империю.

Гнев Шай растаял как весенний снежок. Она поймала себя на том, что вскинула два согнутых пальца в салюте. Если он провернул такое... Ночи, ей посчастливилось узреть работу настоящего мастера.

Шут улыбнулся.

– У тебя появится возможность, Шай.

– Возможность?

– В знак уважения от одного лжеца другому. Это не так уж много: я должен покинуть это место, и у меня было мало времени устроить ее для тебя. Но ты умная, возможно, хватит и этого.

– О чем ты говоришь?

– Прибереги свой острый ум. – Шут повернулся, чтобы уйти. – Будь осторожна, будь проникательна. Было интересно станцевать с тобой в паре.

– Шут? У меня есть деньги. – Ложь. – Я могу предложить...

Шут обернулся, встретившись с ней взглядом, и в тот же миг переменялся. Лицо его помрачнело, ожесточилось, а в глазах...

В глазах проступила вечность.

Шай изучала людей. Этого человека не подкупить. Он не просто мастер, а кто-то гораздо более великий.

По телу пробежала дрожь.

– Ночи, что ты такое?

– И почему все всегда задают вопрос именно так? – Губ шута коснулась легкая улыбка. – Больше ты меня не увидишь. Прощай.

Шут бесшумно скользнул вверх по лестнице. Шай смотрела ему вслед, чувствуя себя полностью побежденной. Давно никто не одерживал над ней верх так умело.

Она опустилась на пол, шаря взглядом по гнутой вилке, заметкам на койке, деревянной ручке от вилки, на которой начала вырезать духопечать. Слишком грубо, слишком неэффективно.

Возможность. Что он имел в виду?

Наверху открылась дверь в подземелье. Шай было решила, что вернулся шут. Очень в его духе: заявить, что больше она его не увидит, и снова появиться спустя несколько секунд, насмехаясь.

По ступеням подземелья загрохотали сапоги. Шай прищурилась, разглядывая пришедших. Мужчина с вытянутыми чертами лица и длинными пальцами в сопровождении стражников. Великий, представитель правящей в империи расы, но не слишком важный. Его сине-зеленое одеяние выдавало чиновника невысокого ранга, который выдержал экзамены на государственную службу, но не слишком высоко поднялся по карьерной лестнице.

Возможность...

Шай собралась. Ее обвели вокруг пальца, но дядюшка Вон учил, что всегда найдется тот, кто обведет тебя вокруг пальца. Неважно, насколько ты хорош, найдется кто-нибудь лучше. Пока помнишь об этом, уверенность никогда не перерастет в небрежность.

И она помнила. И у нее почти все получилось. Просто она наткнулась на того, кто лучше. Бывает.

На этот раз она одержит верх. В чем бы ни заключалась возможность, она ухватится за нее и добьется своего. На этот раз на кону не сокровища, а ее собственная жизнь.

Великий подошел к решетке. Немного помедлив, жестом велел стражникам отпереть.

– Арбитры желают допросить тебя, поддельщица.

Примечание редактора

Когда Брендон отослал начальную версию этой повести на первичную вычитку, она включала в себя сцену выше. Получив отзыв Мэри Робинетт Коваль, Брендон заменил этот пролог на пролог с Гаотоной.

Объяснение можно найти в одном из эпизодов «Писательских отговорок», где обсуждается эта повесть. Ниже представлена отредактированная версия от Майка Баркера.

Мэри: Итак, мы подходим к одному из главных структурных изменений. Когда я читала в первый раз, повествование начиналось от лица Шай...

Брендон: Ага. В тюрьме. И она встречает императорского шута. Это Хойд – персонаж, который появляется во многих моих книгах. У них получился интересный междусобойчик, этакая игра в гляделки и словесная дуэль. Я написал эту сцену не ради словесной дуэли, а потому, что мне казалось: если читатели увидят, как Шут относится к Шай с уважением, то сразу поймут, что она сильный персонаж. Я посчитал, что если с ней пообщается великий мастер в таких делах, то это будет великолепным началом ее истории.

Получилось круто, я погрузился в историю, но, дописав ее, понял, что эта сцена лишняя. Шут очень динамичный и многогранный персонаж, но после разговора с Шай исчезает и больше не появляется. На самом деле это история о взаимоотношениях Шай и Гаотоны. Шут в прологе просто не совсем то, что надо.

Говард: Наверное, как от сердца оторвал этот фрагмент.

Брендон: Так и есть. Потому что это мой любимый персонаж.

Мэри прочитала повесть и пришла ко мне, едва ли не извиняясь, поскольку знала, как мне будет больно. Она сказала: «Мне правда кажется, что нужно вырезать пролог». И я ответил: «Но ведь пролог... н-н-н-но!..»

Она сказала: «Но ведь можно заменить его вот этим». И подала идею насчет сцены с Гаотоной: «Смотри, ведь это поэтичная история. В ней есть симметрия. Тебе стоит начать и закончить ее Гаотоной. Иначе не совсем понятно, почему в концовке он ведет себя именно так, ведь почти нет повествования от его лица. Не дожато. А если начать с него, то такое начало хорошо согласуется с концовкой». И она оказалась права.

Она оказалась права.

Вы заметите, что некоторые детали заключения Шай в сцене выше не соответствуют опубликованной повести. Однако Брендон считает, что в каноничном варианте истории подобный диалог между Шай и шутком действительно имел место.

Послесловие

На курсах по писательскому мастерству всегда твердили: «Пишите то, о чем знаете». Писатели часто слышат эту фразу, и она приводила меня в замешательство. Писать то, о чем знаю? Как мне это делать?

Я пишу фэнтези. Откуда мне знать, каково это – применять магию? Если уж на то пошло, мне неоткуда знать, каково быть женщиной, но я хочу писать от лица разных персонажей.

Набравшись опыта, я начал понимать, что означает эта фраза. Хотя в жанре фэнтези мы пишем о вещах выдуманных, истории выходят лучше, когда основаны на нашем мире. Проще, когда магия соответствует научным принципам, когда мироустройство опирается на аналогии в нашем мире, когда персонажам свойственны человеческие эмоции и переживания.

Таким образом, для писателя умение наблюдать так же важно, как и воображение.

Я стараюсь вдохновляться новыми впечатлениями. В этом отношении мне повезло, у меня есть возможность много путешествовать. Приезжая в новую страну, я жду, что культура, люди и впечатления соединятся в историю.

Когда я был на Тайване, мне посчастливилось посетить Музей императорского дворца. Мой редактор Шерри Вонг и переводчик Люси Туан выступили в роли гидов. Невозможно постичь тысячелетнюю историю Китая за пару часов, но мы сделали все, что в наших силах.

К счастью, я уже был немного знаком с историей и преданиями Азии. (Я два года прожил в Корее в качестве миссионера Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, а потом изучал корейский в университете.)

В этой поездке родился замысел истории. Больше всего мне запомнились печати. На английском мы иногда используем слово «клеймо», но я всегда называл их по-корейски «тоджанг». На мандаринском наречии их называют «йинджиан». Подобные затейливо вырезанные каменные печати используются в качестве подписи во многих азиатских культурах.

В музее я заметил много знакомых красных печатей. Разумеется, некоторые принадлежали художникам, но были и другие. Одно из произведений каллиграфии покрывали отгиски. Люси и Шерри объяснили: древние китайские ученые и знать, если им понравилось произведение искусства, могли поставить на него и свою печать. Один император особенно любил так поступать и вырезал свою печать, а иногда и свои стихи на прекрасных скульптурах или нефрите многовековой давности.

Какой занятный образ мыслей. Представьте, что вы король, вам особенно приглянулся Давид Микеланджело, и вы вырезаете у него поперек груди свою подпись. По сути это то же самое.

Концепция настолько яркая, что я начал крутить в голове магию печатей. Духопечати, способные переписывать природу объекта. Мне не хотелось приближаться к духозаклятию из мира бурсвета, поэтому я воспользовался вдохновением от посещения музея, от истории, чтобы изобрести магию, которая позволяет переписывать прошлое объекта.

Из этого выросла вся история. Поскольку магическая система во многом согласуется с той, что я разрабатывал для Села – мира Элантриса, я поместил историю на Сел. (Также там было несколько культур, схожих с нашими азиатскими, поэтому все превосходно вписалось.)

Вы не можете всегда писать о том, что знаете, по крайней мере, в точности. Но вы можете писать о том, что видите.

Брендон Сандерсон

Благодарности

Книга выходит с одним именем на обложке, но не возникает из пустоты. Мои творения существуют лишь потому, что множество людей всегда готовы подставить плечо.

Я уже упоминал, что эта книга родилась во время поездки на Тайвань. Большое спасибо Люси Туан и Шерри Вонг, упомянутых в посвящении, за то, что показали мне город. Еще хочу поблагодарить Эванну Хсу и всех остальных в Fantasy Foundation за то, что поездка получилась такой интересной. Спасибо Грею Тэну (моему тайваньскому агенту), который оказывал всяческое содействие, моему американскому агенту Джошуа Билмесу и всем остальным в JAVberwocky.

Работать с Джейкобом Вейсманом и Джилл Робертс из Tachyon было одно удовольствие, и я благодарен за то, что эта книга напечатана. Кроме того, спасибо Марти Хэлперну за редактуру и корректуру. Над великолепной обложкой потрудился Александр Нанитчков, лучше и быть не может. Айзек Стюарт разработал дизайн обложки и иллюстрации печатей. Спасибо!

Мэри Робинетт Коваль помогла с общей структурой и заставила меня осознать, что первоначальный пролог был не самой хорошей идеей с точки зрения целостности повести. Моше Федер превзошел самого себя и предложил фантастические правки, без которых эта повесть получилась бы не такой яркой. Важные отклики были от Брайана Хилла, Айзека Стюарта и Карен Альстром.

Как всегда, от всего сердца благодарю свою семью, особенно жену Эмили. Отдельная благодарность Питеру Альstromу, потратившему на этот проект уйму времени. (В том числе он не уставал напоминать мне про эти благодарности, когда я забыл о них с десятков раз.)

Моя глубочайшая благодарность всем вам.

Брендон